

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 92 (2475) Среда, 17 ноября 1948 г. Цена 40 коп.

Поэзия труда и новаторства

Задолго до Великой Октябрьской социалистической революции А. М. Горький познакомился с нижегородским капиталистом Н. Бугровым. Миллионы нажил Бугров на бесчеловечной эксплоатации простых русских людей. Он видел, что люди работают на него против воли — только ради куска хлеба, он видел, что все его предприятия держатся на дисциплине палки, на дисциплине голода. Сам выходец из народа, он знал, какие творческие силы таятся в нашем народе, и мог только жадно мечтать о том, чтобы полностью поставить все эти силы себе на службу.

«Дай-ко ты мне власть, — говорил он в минуту откровенности Алексею Максимовичу, — я бы весь народ разбередил, ахнули бы и немцы, и англичане! Я бы кресты да ордена за работу давал столярам, машинистам, трудовым, черным людям. Успел в своем деле — вот тебе честь и слава! Соревнуй дальше... Когда всю землю поднимем, да в работу толкнем, — тогда жить просторнее будет. Народ у нас хороший, с таким народом горы можно опрокинуть. Кавказы распахать...»

Это были мечты умного хищника, это была безнадежная тоска о недоступном. А на деле ежедневно, ежечасно и повсеместно все бугровы мяли, душили, давили миллионы народных талантов, изощренной потогонной системой выжимали из трудовых людей все, что могли выжать для собственного обогащения, еще большего угнетения народа.

Социалистическая революция положила конец эксплоатации человека человеком. Советский строй открыл возможность «втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник...» (Ленин).

Три десятилетия победоносного социалистического строительства в нашей стране — это три десятилетия всенародного творчества. Революция развязала, разбудила народные таланты. Партия большевиков, Ленин и Сталин вдохновляют и мудро направляют по плановому социалистическому руслу творческий труд всех советских людей. Впервые в истории человек стал трудиться не на эксплоататора, а на себя. Впервые в истории труд превратился в дело чести, дело славы, дело доблести и геройства. Не из рук капиталиста, а от своего народного правительства лучшие сыны народа, лучшие труженики города и деревни получают медали, ордена и почетное звание Героя Социалистического Труда.

Богатый творческими исканиями и подлинно героическими подвигами, самоотверженный труд наших людей служил и служит постоянным источником поэтического вдохновения для советских писателей.

Изменялась жизнь, изменялся и облик героя труда. Передовым человеком ранних лет советской власти, когда преодолевалась разруха, был рабочий, не жалевший физического труда, — тот, кто после напряженного рабочего дня на своем предприятии шел на коммунистический субботник грузить дрова, разгружать вагоны или расчищать железнодорожные пути от снежных заносов.

Годы первой сталинской пятилетки вызвали могучий рост социалистического соревнования и выдвинули на первый план нового человека — ударника, наиболее организованного, дисциплинированного и сметливого труженика.

Вторая пятилетка вызвала к жизни стахановца. «Это, — говорит товарищ И. В. Сталин, — главным образом, — молодые или средних лет рабочие и работницы, люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами».

Партия, товарищ Сталин поддержали стахановское движение и придали ему широчайший размах потому, что оно представляло собой будущее нашей индустрии, потому, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического под'ема рабочего класса. Стахановское движение «открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим» (Сталин).

Ровно тринадцать лет прошло с того дня, когда товарищ Сталин на Первом всесоюзном совещании стахановцев дал глубокую оценку этому движению и нарисовал перспективы его дальнейшего развития.

Если замечательные подвиги ударников первой пятилетки были изображены Л. Леоновым в «Соти», В. Катаевым в романе «Время, вперед!», А. Малышкиным в романе «Люди из захолустья», М. Шагинян в «Гидроцентрали» и в произведениях других писателей, то начало нового, высшего этапа социалистического соревнования — стахановского движения — нашло свое поэтическое отражение в повести Ю. Крымова «Танкер «Дербент».

Число стахановцев изо дня в день повсеместно росло, как это и предсказывал товарищ Сталин. Облик стахановца все более и более усложнялся, совершенствовался.

В начале движения самой типичной была фигура стахановца — технически грамотного передовика, в своем личном труде добившегося наивысших результатов.

Сейчас наша страна находится на новом под'еме. Успешно, в четыре года, выполняется план послевоенной сталинской пятилетки восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны. Планомерное внедрение передовой техники во все отрасли народного хозяйства является могучим рычагом в деле дальнейшего увеличения мощи советского государства.

Нашу передовую технику осваивают и совершенствуют новаторы-стахановцы, и делают они это все более успешно. Творческий под'ем народа достиг новой, невиданной доселе высоты. И типичной для нашего времени стала фигура стахановца, ведущего за собой всех своих товарищей, соседей, роль новатора, преобразующего и совершенствующего не только свой станок, но вникающего уже в технологию производственного процесса бригады, агрегата, участка, цеха.

Размах и глубина социалистического соревнования показывают, что весь советский народ превратился в дружную семью. Коммунистический метод строительства социализма стал уже достоянием всей массы трудящихся нашей страны.

«Мы живем в такое время, — говорит товарищ В. М. Молотов, — когда наши рабочие, служащие и крестьяне-колхозники по всей стране участвуют в социалистическом соревновании. Теперь нет и не должно быть таких фабрик и заводов или колхозов, которые не участвовали бы в соревновании или не стремились бы увеличить число соревнующихся внутри предприятия, внутри колхоза».

Каждым днем своего участия на трудовом фронте наши люди демонстрируют растущую силу морально-политического единства советского народа, рост его коммунистической сознательности.

Трудовые люди нынешней эпохи — смелые новаторы, ведущие за собой весь рабочий класс и колхозное крестьянство, — разносторонне развитые, культурные люди. Наши писатели делают только первые попытки запечатлеть в художественных произведениях новые образы передовиков социалистического труда послевоенной пятилетки — образы таких замечательных рабочих, как ленинградец Г. Борткевич, москвич Н. Российский, сибиряк А. Шашков, донецкий шахтер Г. Запорожец и многие другие.

Изучить, понять и художественно воплотить типические черты лучших людей — героев нашего времени — почетная и трудная задача советского писателя. Она требует глубокого знания нашей действительности, прочных связей с современностью.

В сегодняшнем номере нашей газеты мы печатаем статьи, посвященные произведениям советской литературы последнего времени, — роману молодого русского писателя В. Ажаева «Далеко от Москвы» и романам казахских писателей Г. Мустафина «Миллионер» и С. Муканова «Сыр-Дарья». Эти статьи показывают, что раскрыть красоту, романтику, поэзию нашей жизни писатель может только при условии глубокого реалистического изображения действительности и героических советских людей — тружеников и новаторов. Все влияния, уводящие нашу литературу в сторону от современности, эпигонское следование обветшалым литературным традициям, подмена революционного романтизма советской литературы отвлеченным, бездейственным романтизмом старого типа, кабинетное творчество, отставание от нового в действительной жизни, — все это должно быть решительно преодолено нашей литературой и ее теорией.

Одержать творческую победу сможет только тот художник, который идет в ногу с жизнью, черпает свое вдохновение в живой современности, в созидательном труде советского народа, кто помогает партии Ленина—Сталина воспитывать миллионы строителей коммунизма, новаторов наших дней.

Накануне Дня артиллерии

Этого не должны забывать поджигатели войны!

Беседа с президентом Академии артиллерийских наук, академиком, генерал-лейтенантом артиллерии А. Благонравовым

Прошло шесть лет со времени исторического Сталинградского сражения. К знаменательной дате начала контрнаступления советских войск — 19 ноября 1942 года — приурочено празднование Дня артиллерии. Тем самым подчеркиваются огромная роль и великие заслуги советской артиллерии в нашей победе.

На важнейших участках Сталинградской битвы было сосредоточено до 300 орудий и минометов на километр фронта. Битва под Сталинградом обнаружила все могущество нашей артиллерийской техники — главной ударной силы Советской Армии — патриотизм, воинскую доблесть и высокое мастерство наших артиллеристов.

Сталинград продемонстрировал всему миру величие сталинской стратегии, глубину сталинского предвидения. Еще в 1937 году товарищ Сталин писал:

«Для успеха войны исключительно ценным родом войск является артиллерия. Я хотел бы, чтобы наша артиллерия показала, что она является первоклассной».

В течение последних трех лет войны наша артиллерийская промышленность, созданная в результате успешного завершения довоенных сталинских пятилеток, выпускала ежегодно до 120 тысяч орудий и до 100 тысяч минометов. Это в значительной степени превышало производство Германии и временно оккупированных ею стран Европы.

Успехи советской артиллерии в минувшей войне явились доказательством непрерывного роста русской артиллерийской науки. Мы с законной гордостью перелистываем сегодня страницы военной истории нашей Родины. Теперь уже доказано, что русские ученые и мастера первыми изготовили орудие, заряжающееся не с дула, а с казенной части; придумали нарезку стволов; изобрели клиновой затвор; разработали особые виды бездымного пороха и т. д.

Англичане и немцы оспаривали приоритет введения нарезной артиллерии во второй половине XIX века. А в Ленинградском артиллерийском музее хранится русская трехдюймовая пушка-пищаль XVII века с десятью винтовыми нарезами, заряжаемая с казенной части, с клиновым затвором. Русские мастера, по крайней мере, на два века опередили Европу.

Почти сто лет тому назад русские ученые-артиллеристы академик А. В. Гадолин и Н. В. Маиевский своими работами в области баллистики и теории сопротивления положили начало современным методам проектирования орудий. Открытия «отца современной металлографии» Д. К. Чернова сделали возможным производство современных мощных стволов артиллерийских орудий, позволяя получать необходимые для их прочности механические качества металла. Гениальный русский ученый Д. И. Менделеев изобрел в 1891 году особый вид бездымного пороха — пироколодийный порох. Артиллерийской наукой интересовался и великий русский ученый М. В. Ломоносов: известна, например, его работа о селитре; в этой работе проводится исследование о природе пороха. Пионерами в области создания скорострельной артиллерии были русские конструкторы — Барановский и Энгельгардт.

Еще большего расцвета достигла артиллерийская научная и техническая мысль после Великой Октябрьской революции. Сложнейшие вопросы артиллерии решали в своих трудах советские ученые Н. Ф. Дроздов и академик А. Н. Крылов. В годы сталинских пятилеток выросли такие конструкторы-артиллеристы, как Грабин, Крупчатников, Петров, Иванов, удостоенные звания Героя Социалистического Труда.

Разработку реактивной артиллерии мы начали одновременно с немцами и англичанами. Немецкие конструкторы пошли по линии создания дальнобойных агрессивно-стратегических средств. Но жизнь показала, что все эти «ФАУ» решающей роли в ходе войны не могли сыграть и не сыграли. Англичане заинтересовались реактивным оружием во время воздушной блокады Лондона. Их попытки создать зенитную реактивную артиллерию также были мало эффективны.

Советская научная и конструкторская мысль действовала в первую очередь в наиболее решающем направлении. У нас была создана войсковая реактивная артиллерия, непосредственно влиявшая на ход боев. Наши мощные и маневренные реактивные минометы, получившие в народе имя «Катюши», были в полном смысле слова грозой для врага.

За последнее время в американских газетах и военных журналах часто проскальзывает мысль о том, что в «атомный век» артиллерия устарела. Это, мол, архаичный вид оружия, который ныне не может играть серьезной роли. Мы так не считаем.

Стоит вспомнить, что, когда появились и начали развиваться авиация и бронетанковые войска, тоже раздавались голоса о том, что артиллерия не сможет бороться с ними. Возникли «теории» Дуэ и Фуллера, согласно которым массированные налеты авиации и глубокие танковые рейды должны в будущем решать судьбу войны. Жизнь показала полную несостоятельность этих «теорий».

На всем протяжении истории артиллерии характерно то, что, встречаясь с новым видом техники врага, артиллерия всегда находила пути борьбы с ним. С появлением брони появилась бронебойная артиллерия. С появлением авиации появилась зенитная артиллерия, с появлением танков — противотанковая.

Советская наука создала новые виды артиллерийского вооружения совершенно самостоятельно. В области зенитной артиллерии наши специалисты разработали не только образцовую материальную часть, но далеко двинули вперед теорию стрельбы по быстро движущимся целям, создали систему приборов управления огнем и т. д. Огромных успехов достигли наши конструкторы и в деле создания противотанкового оружия.

По данным Советского информбюро, к концу третьего года войны немцы потеряли 70 тысяч танков. Их смела с лица земли русская артиллерия. В руках стойких советских воинов, под командованием гениального стратега товарища Сталина наша артиллерия вышла победительницей из этого поединка.

Это следовало бы помнить поджигателям войны и агрессорам всех мастей.

Против идеализма и низкопоклонства в языкознании

В течение двух дней продолжалось расширенное заседание ученого совета Института русского языка и московского отделения Института языка и мышления Академии наук СССР, которое заслушало и обсудило доклад Героя Социалистического Труда академика И. И. Мещанинова «О положении в лингвистической науке в связи с постановлением президиума Академии наук СССР о состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях Академии наук СССР».

На заседании присутствовали и принимали участие в прениях научные работники, преподаватели, аспиранты обоих институтов, филологического факультета Московского государственного университета и педагогических институтов.

— Сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина вскрыла недостатки научной работы не одних биологов, — сказал докладчик. Он охарактеризовал направление буржуазного языкознания, отрывающее изучение языка от истории общества, отрицающее возможность сознательного воздействия людей на язык, как направление антинаучное, идеалистическое.

Научные работы, которые ведутся в соответствии с этой антиисторической схемой, не выдерживают никакой проверки практикой. Для школы пагубно отделение морфологии от синтаксиса, которое проводит буржуазное языкознание, отрывающее содержание от формы. Советские лингвисты должны и в теории и на практике следовать учению Н. Я. Марра, который построил языкознание на принципах исторического и диалектического материализма, рассматривал всякую грамматическую форму и весь грамматический строй языка, как явления, социально обусловленные.

Однако до сих пор в среде советских языковедов имеются сторонники методологии, присущей западноевропейскому языкознанию. Они либо прямо отстаивают взгляды формалистической школы, как это делает, например, проф. М. Н. Петерсон, либо дают искаженную характеристику учению Н. Я. Марра (академик А. С. Чикобава), либо замалчивают вовсе труды Марра. Есть и такие противники нового учения о языке, которые утверждают, что в советском языкознании могут существовать школы, не основывающиеся на учении Марра (академик В. В. Виноградов, покойный проф. М. В. Сергиевский). Такое отношение к материалистическому учению о языке свидетельствует о проникновении в советскую науку чуждых ей идеалистических и метафизических взглядов.

Заканчивая свое выступление, акад. И. И. Мещанинов сказал:

— Деятельность Н. Я. Марра нанесла решительный удар идеалистическому языкознанию. Марр создал новую школу советских языковедов и закрепил устои материалистического языкознания, основанного на учении Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Резко критиковал сторонников идеалистического языкознания заместитель директора Института русского языка профессор Ф. П. Филин.

— За последнее время возникла теория о «мире, согласии и благоденствии» в лингвистике, которая принесла немало вреда нашей науке.

Не получая должного отпора, сторонники идеалистического языкознания сами стали переходить в наступление. В прошлом году по инициативе советской общественности и прежде всего благодаря выступлениям «Литературной газеты» последователи Марра на дискуссиях в Москве и Ленинграде впервые дали организованный отпор наступлению лингвистической реакции. Однако представители идеалистического направления стали переходить в контратаки. Журнал «Русский язык в школе» опубликовал ряд статей, дающих искаженное представление о книгах академика В. В. Виноградова, проф. А. А. Реформатского и т. д.

Подобострастие перед западноевропейскими лингвистами характеризует порочный и вредный учебник А. А. Реформатского, ряд статей профессора М. Н. Петерсона и другие работы противников нового учения о языке. Низкопоклонство перед буржуазным Западом проникло и в издания Московского государственного университета.

Заканчивая свое выступление, проф. Ф. П. Филин говорит:

— Или торжество материалистического языкознания, или прозябание в идеалистическом болоте. Третьего пути нет, не может быть и не будет!

Профессор М. М. Гухман в своем выступлении подчеркнула партийность и принципиальность лингвистических работ Н. Я. Марра. Критикуя сторонников идеалистического языкознания, она сказала:

— До сих пор в руках людей, принадлежащих к этому направлению, находятся руководящие кафедры в московских вузах и журнал «Русский язык в школе», опубликовавший примиренческую рецензию на учебник Реформатского. Не имеет принципиальной линии в вопросах языкознания журнал «Известия Академии наук СССР, отделение языка и литературы».

Далее профессор Гухман подвергает критике «Лингвистический словарь» проф. Л. И. Жиркова, учебник Б. А. Ильиша «Современный английский язык» и учебник О. Н. Богомоловой «Современный французский язык».

Доклад академика И. И. Мещанинова нашел живой отклик среди присутствовавших на заседании московских языковедов. Выступавшие в прениях ученый секретарь Института языка и мышления О. П. Суник, профессор Т. П. Ломтев, докторант Г. Н. Воронцова, доценты О. П. Москальская, секретарь партбюро института А. Т. Базиев и другие критиковали сторонников идеалистического направления в языкознании. Весьма важный вопрос подняла в своем выступлении аспирантка Института русского языка С. В. Бромлей.

— Преподавание общего языкознания в вузах поставлено плохо. Студенты знакомятся с ним только на первом курсе. Когда же они переходят к изучению основных лингвистических дисциплин, вопросы общего языкознания уже забываются. Еще хуже обстоит дело с изучением наследия Н. Я. Марра, которое до сих пор недостаточно популяризируется среди молодых лингвистов. Аспиранты замыкаются в специальных узких проблемах. Их представление об общетеоретических основах советского языкознания ограничивается смутными воспоминаниями, которые сохранились от малопродуктивных занятий этим предметом на первом курсе вуза.

Академик В. В. Виноградов признал справедливость критики, которой подверглись его работы.

— Вне науки, вне советской науки я не мыслю своей жизненной деятельности и своей жизненной задачи. Это означает, что я должен овладеть марксистским методом лингвистического анализа, нашедшим отражение в трудах академиков Марра и Мещанинова, — сказал он.

Однако В. В. Виноградов не дал развернутой критики своих методологических ошибок, в частности теории стилей, смазывающей классовую сущность языка, и этим снизил принципиальное значение своего выступления.

Согласился с критикой своих работ также и проф. Р. И. Аванесов.

Проф. М. Н. Петерсон свел свое выступление к несостоятельным нападкам на критиковавших его товарищей. Проф. П. С. Кузнецов, по существу, защищал свою праязыковую концепцию возникновения славянских языков. Правильно говоря о необходимости непримиримой партийности в науке, доцент Е. М. Галкина-Федорук обошла вопрос о беспринципной позиции, которую занял в лингвистической дискуссии журнал «Русский язык в школе», членом редколлегии которого она является.

В заключительном слове академик И. И. Мещанинов сказал:

— Есть одно направление, по которому должно итти советское языкознание. Это материалистическое, марровское направление. Мы должны всемерно развивать и укреплять это направление!

Ученый совет принял резолюцию, в которой отметил необходимость усиления теоретической и организационной борьбы с идеалистическим языкознанием и всемерной пропаганды материалистического учения Н. Я. Марра.

Цитрусовые—на Украине, в Крыму, в Средней Азии

НОВЫЕ РАЙОНЫ СУБТРОПИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Недавно Совет Министров СССР принял постановление о вывозе из Грузии и распространении в других районах Советского Союза цитрусовых и субтропических культур, включая эвкалипты.

— Это постановление, — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» заместитель министра сельского хозяйства СССР тов. С. Хоштария, — было принято по предложению товарища Сталина.

В старой России под цитрусовыми культурами было занято всего лишь 160 гектаров. Это были частные посадки лимонных деревьев на помещичьих дачах, расположенных по Черноморскому побережью Закавказья. Когда большевики Грузии впервые занялись промышленным разведением цитрусовых плантаций, они встретились с большими трудностями. Советские агрономы разработали новую агротехнику ухода за цитрусовыми культурами, что дало возможность успешно возделывать их в самой северной зоне распространения субтропических культур. Теперь цитрусовые плантации у нас занимают свыше 22 тысяч гектаров.

Наши ученые сумели продвинуть цитрусовые культуры за пределы Грузии — в районы Адлера, Сочи и на Южное побережье Крыма. Сейчас имеются все возможности для более широкого продвижения цитрусовых в новые районы. Исходя из этого, правительство наметило на 1949 год посадку не менее 400 тысяч цитрусовых и 300 тысяч эвкалиптов в новых для этих деревьев районах. Лимоны, мандарины и другие культуры будут высажены в Крыму, Краснодарском крае, на юге Украины, в среднеазиатских республиках, в западных районах Азербайджана, в Дагестане и Молдавии.

Для каждого района рекомендуется своя система посадки и ухода за растениями. И если на Южном берегу Крыма цитрусовые культуры могут расти в открытом грунте, то в Средней Азии, на Украине и в Молдавии лимонные и мандариновые деревья будут высаживаться в траншеи глубиною до двух метров. Зимой траншеи вместе с деревьями накрываются утепляющими материалами. Кроме того, во всех новых районах будет испытываться посадка карликовых, стелющихся и пересадочно-кадочных цитрусовых деревьев.

Вечнозеленые и душистые эвкалипты представляют очень большую ценность. Они растут настолько быстро, что уже через 20 лет после посадки можно взять с одного гектара насаждений 800 кубометров ценной древесины. (Для выращивания такого количества древесины из бука или дуба потребовалось бы 200—250 лет). Эвкалипты будут высаживаться в новых районах целыми рощами, а также в городских парках, вдоль дорог, на приусадебных участках.

Николай ТИХОНОВ

На границе

Бревно на рыжий берег
Выносит на волнах,
Турецкие аскеры
В обтрепанных штанах
Бегут к нему с баграми,
С восторгом на лице.
Стоит в оконной раме,
Любуясь, офицер.

В туфлях на босу ногу
Скелет почтенных лет
Поближе лезет к богу
На ветхий минарет.
Скелет приехал древний
Всего позавчера
Из той большой деревни,
Чье имя — Анкара.

Все было б идиллично,
Но в узкое окно
Скелет глядит в отличный,
Проверенный бинокль.
Глядит через границу,
Поверх кустов густых,
Он видит даже лица
Советских часовых.

Чтоб убедиться лично —
Колхоз не укреплен, —
В колхозе пограничном
Дома проверил он.
Чалму поправил, вылез
На минарет, крича:
Под Лоуренса—Билли
Работает сейчас.

Потом садится янки
На берегу морском,
И турок на полянке
Он поит коньяком.
И, пьяный, в пьяной рыси,
Мгновенно, на скаку —
Им отдает Тбилиси,
Им отдает Баку.

Глядят на профиль серый,
На янки-колдуна
Голодные аскеры
В обтрепанных штанах.
Потом его безмолвно
Несут в его нору,
Как то бревно, что волны
Примчали поутру.

Механизмы— в помощь строителю

Площадка, где будет строиться высокий дом, еще пустынна. Предстоит вырыть большой котлован. Только для корпусов первой очереди требуется выбрать около 12 тысяч кубических метров земли.

Полтора десятка лет назад для этого понадобились бы многие недели тяжелого труда сотен землекопов и грузчиков, десятки вагонов для вывоза грунта. А теперь? На площадку прислали два мощных экскаватора. За 9 дней работы в две смены четыре машиниста экскаваторов выполнили весь об'ем земляных работ.

Стройке нужен песок, кирпич. Их доставляют грузовики, на бортах которых значатся буквы «МЖМ».

Началась укладка фундамента. На дно котлована следует опустить строительные материалы. На площадке вырастают башенные краны с теми же буквами «МЖМ».

Буквы «МЖМ» расшифровываются так: трест механизации жилищного строительства Моссовета. Функции треста ограничены. Он ведет лишь самые тяжелые и трудоемкие работы. В его распоряжении мощный парк экскаваторов, бульдозеров, кранов, автомашин.

Выполнив свои операции на одной площадке, механизмы вместе с их обслуживающим персоналом переходят на другую стройку. Сосредоточение всего парка в одной организации позволяет наиболее рационально и полно использовать его. Уже в настоящее время земляные работы механизированы на 90 процентов. Трест также целиком механизировал все операции по разгрузке, под'ему и доставке материалов к рабочему месту.

Одна из самых тяжелых и вредных работ на стройке — разгрузка и гашение извести. Рабочим, занятым этим делом, приходилось надевать респираторы. Сейчас машины треста развозят по стройкам столицы готовую гашеную известь. Она подается рукавами непосредственно к растворному узлу на площадке.

Применяемые трестом механизации жилищного строительства Моссовета новые методы, освобождая людей от наиболее тяжелых работ, в то же время ускоряют темпы строительства, резко повышают производительность труда, снижают себестоимость.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Москва.** Более 800 лекций и бесед на общественно-политические, сельскохозяйственные и естественно-научные темы прослушали в октябре колхозники Московской области. На лекциях присутствовало свыше 150.000 человек. Большой интерес у колхозников вызвали лекции: «Мичуринцы — преобразователи природы», «О сочетании личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов» и другие.

◆ **Архангельск.** В лесных поселках Архангельской области открылось 12 новых стационарных библиотек. Каждая из них не только обслуживает читателей на месте, но организует библиотеки-передвижки в красных уголках, в мастерских, в лесопунктах.

Сейчас в лесах области работает 67 библиотек, насчитывающих в своих фондах более 100 тысяч книг.

◆ **Вильнюс.** Университет для родителей открылся при республиканском Доме учителя. Два раза в месяц опытные педагоги читают здесь лекции по вопросам коммунистического воспитания детей. На первых лекциях побывало более тысячи родителей.

◆ **Нальчик.** Сборник фольклора на кабардинском языке выпустило в свет республиканское издательство. Об'ем книги — 12,5 печатных листа. В сборнике опубликовано более 1200 песен, пословиц, поговорок, изречений.

◆ **Ровно.** Музыкально-драматический театр создан в районном центре — городе Дубно. В репертуаре театра пьесы «В степях Украины», «Приезжайте в Звонковое», «Украденное счастье», «Золушка».

◆ **Уфа.** Первый том «Очерков по истории Башкирии» составил и подготовил к печати Башкирский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. Гафури.

Современность — источник вдохновения

Петр СКОСЫРЕВ

В Казахстане опубликованы два новых романа на современную тему — «Миллионер» Г. Мустафина и «Сыр-Дарья» С. Муканова. Весьма различные по материалу, по сюжету, по авторскому почерку, оба эти произведения — значительное событие в казахской литературе.

Каково содержание романа Мустафина?

Колхоз имени Амангельды давно завоевал славу передового. Однако настал день, когда часть колхозников перестала удовлетворяться темпами роста своего хозяйства. Они выдвинули «большой план», задумав совершить скачок от просто передового колхоза к колхозу на высшей основе, оснащенному всеми достижениями современной техники.

Автор этого «большого плана» — заместитель председателя колхоза Жомарт. Он начинает борьбу с председателем Жакыпом, у которого, по мнению Жомарта, «узкая мерка»: председатель измеряет успехи колхоза сравнением с прошлым, тогда как пришло время измерять эти успехи равнением на будущее. Словом, писатель показывает, как лучшее вступает в борьбу с хорошим. В этом основа главного конфликта в романе.

Жомарт уверен, что хорошее, если оно не стремится стать лучшим, перестает быть хорошим; оно становится препятствием, которое надо преодолеть. С ним неминуема борьба. Жомарт начинает эту борьбу и достигает победы. Районный комитет партии поддерживает «большой план»; Жакыпа снимают с поста председателя; во главе колхоза становится Жомарт.

В короткие сроки колхоз им. Амангельды достигает крупных успехов. На помощь колхозникам приходят рабочие Караганды. Электрифицируются дома колхозников, колхозные фермы. В колхозной кузне на смену прадедовскому молоту водружается электромолот. Зажиточность и культура входят в быт каждого колхозника. Обычными стали для колхозного досуга музыка, книги, игры в теннис, шахматы. Колхозники радуются успехам своей одноаульчанки — слепой Алма, ставшей композитором.

Жомарт торжествует победу. Жакып, не веривший в «большой план», посрамлен. Он приходит к Жомарту и сам признает себя побежденным. Таков сюжетный фон романа «Миллионер».

Г. Мустафин попытался не столько показать сегодняшний день казахских колхозов, сколько заглянуть в колхозное завтра. Попытка в какой-то мере ему удалась, и в этом несомненная заслуга автора. Казахский читатель оценил ее. Роман Г. Мустафина опубликован в Алма-Ата на казахском и русском языках и отмечен положительной оценкой критики. Надо думать, что и русский читатель с интересом прочтет эту взволнованно написанную книгу, порой наивную, местами чересчур торопливую, но всегда искреннюю, затрагивающую вопросы, одинаково близкие всем советским людям.

Но сказанное не позволяет умолчать о серьезных недостатках романа. Значительное место в нем занимает «проблема Ахмета». Колхозный кузнец Ахмет настолько разбогател в колхозе, что его личное хозяйство начинает ему мешать; оно требует от него сил и времени, которые кузнец хотел бы отдавать колхозу. Ахмет настаивает, чтобы колхоз и здесь пришел ему на помощь: пусть колхозная ферма заберет его личный скот, ухаживает за ним, бережет его, а взамен дает все то, что Ахмету необходимо, — кумыс, мясо, масло и т. п. Иными словами, Ахмет задумал как бы свой индивидуальный «переход к коммунизму». Он хочет работать на колхоз **по своей способности** и получать из колхоза **по своей потребности.**

Не видя всей надуманности и противоречивости такой постановки вопроса (переход к коммунизму, так сказать, в индивидуальном порядке!), Мустафин на протяжении романа несколько раз подчеркивает важность поднятой им проблемы. Она ему кажется настолько серьезной и трудной, что ни Жомарт, ни партийное районное руководство в романе не могут ее решить. Они не дают сколько-нибудь определенного ответа на требования кузнеца поскорее освободить его от забот о личном хозяйстве. Только когда Ахмет отказывается от всякой компенсации за сдаваемый на ферму скот, Жомарт, наконец, «написал записку на ферму о том, чтобы от Ахмета приняли его скот».

В том, как настойчиво романист выдвигает на первое место «проблему Ахмета», мы видим его основную ошибку. Переход к коммунизму не есть, не будет и не может быть процессом индивидуальным, обособленным, происходящим в отрыве от всенародного, общегосударственного дела.

Вся «проблема Ахмета» выдумана, сочинена от начала до конца. Автор до нее дошел умозрительно, а не почерпнул ее из правды жизни. Это снижает ценность произведения.

В романе есть и другие недостатки. Второй части повествования автор сообщил черты благостной идиллии. Чересчур легко, почти без всяких трудностей одерживает Жомарт свои победы. Иные сцены написаны сплошной розовой краской. Роман вдруг перестает быть «заземленным» в жизнь, в действительность. Особенно это относится к сценам, где действует слепая Алма. Но при всем том роман «Миллионер», в котором есть подлинно вдохновляющие, реалистические картины трудовых будней колхозников, может быть признан книгой, которая знаменует качественный рост казахской литературы. Обаяние романа — в его эмоциональности, выражающей чувства и мечту миллионов колхозников Казахстана.

Два года назад в исторических решениях ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам резко критиковалась пьеса казахского драматурга А. Тажибаева «Мы казахи». Эта пьеса, чуждая принципам социалистического реализма, сделанная по образцам западноевропейского символизма, уводила казахского читателя и зрителя от сегодняшнего дня, от советской действительности.

Этим пороком страдали не одни пьесы Тажибаева. Отрыв от современности, неправильное толкование истории, некритическое использование фольклорной традиции были свойственны и роману С. Муканова «Балуан-Шолак», и пьесам того же Г. Мустафина, и некоторым литературоведческим работам, например, Е. Исмаилова.

В основе многих ошибок казахских писателей лежало слабое знакомство их с жизнью, кабинетность, отсутствие действительных связей с борьбой и повседневным героическим трудом казахского народа. Направляющее руководство партии помогло писателям понять свои ошибки, отказаться от ложного пути. Свидетельство тому — появление книги Мустафина и нового романа С. Муканова «Сыр-Дарья», печатавшегося в нынешнем году в казахском журнале.

Тема нового романа Муканова, так же как и тема «Миллионера», — становление нового социалистического Казахстана и рост нового социалистического человека. Материалом для романа Муканов избрал гидростроительные работы на Сыр-Дарье. Время действия — предвоенные годы, война и сегодняшний день. Главные действующие лица — представители молодой казахской интеллигенции (инженер Байжан, агроном Калакай, секретарь райкома партии Рахмет), казахские колхозники (старик Сырбай, девушка-бригадир Айбарша, ее жених Даулет) и представители русской интеллигенции (инженер Анатолий Кондратьевич, молодая учительница, эвакуированная с Украины, Наташа Полищук).

По жанру книга Муканова — это своеобразный роман-очерк. В нем читатель, наряду с образами людей современного Казахстана, находит подробные, порой чересчур пространные описания Сыр-Дарьи, местных обычаев и особенностей быта, встречает целые страницы, посвященные толкованию казахских имен, их происхождению и истории, и целые главы, заполненные цифрами, свидетельствующими о важности оросительных работ в районе Сыр-Дарьи.

«Сыр-Дарья» — первый по-настоящему современный роман этого писателя. Прежние книги Муканова, ставшие известными всесоюзному читателю, были посвящены в основном прошлому (автобиографическая повесть «Мои мектебы», фольклорный роман «Балуан-Шолак», большое историческое повествование о революции в Казахстане — «Ботагоз»).

Окончилась ли попытка писателя показать современный Казахстан полной удачей? Нет. В романе «Сыр-Дарья» много недостатков. Однако есть в нем и многое такое, чего прежде не было в казахской литературе и что — подобно роману «Миллионер» — знаменует коренной поворот в общем развитии казахской прозы. Я имею в виду создание Мукановым таких образов, как бригадир Айбарша или старый колхозный мираб Сырбай. Неутомимая, задорная, вечно стремящаяся вперед девушка Айбарша, главная героиня «Сыр-Дарьи», — это подлинное дитя колхозного аула. Образ ее не навеян старинными преданиями и сказками, а подсмотрен в жизни. Он пленителен и поэтичен, как поэтична наша действительность в самом высоком смысле этого слова.

То, что Муканову удалось создать полнокровный, живой образ колхозной девушки-казашки, верный поэзии жизни, а не обветшалой поэтической традиции, значительно искупает недостатки романа.

Удался автору и образ старика Сырбая. Самобытный талант, своего рода народный мелиоратор, выразитель лучших сторон казахского национального характера — Сырбай обрисован эпически, правдиво. Без умиления и сюсюкания писатель раскрывает одну за другой стороны этого противоречивого характера. Старик талантлив, справедлив, добр и мудр исконной народной мудростью. Но эта мудрость нередко выглядит ограниченной, обветшавшей, когда она вступает в противоречие с современной советской правдой жизни. Так, Сырбай готов совершить ошибку, поддавшись «старой правде», которая велит ему не верить чистоте побуждений Айбарши, принужденной заночевать в доме агронома Калакая. Традиционная «правда», давно переставшая быть правдой, требует от старика, чтобы он проклял своевольную невестку, оказавшуюся ночью в доме чужого мужчины. Сырбай вот-вот это и сделает. Но тут на помощь приходит старый друг Сырбая — русский инженер Полевой, и Сырбай находит в себе силы не поверить традиции, а поверить свежему голосу советской жизни, одним из выражений которой является его дружба с русским инженером. Страницы, посвященные дружбе двух стариков — русского инженера Полевого и казаха Сырбая, принадлежат к лучшим в романе, как и страницы, в которых раскрывается образ Айбарши. Подлинным пониманием самых основ сталинской дружбы народов овеяны эти страницы.

Однако роман недоработан. Он чрезвычайно растянут, рыхл. Главы, посвященные фронту, надуманны и лишены всякого правдоподобия. Автор уделил непростительно много места и внимания запутанной и, в конечном счете, малоинтересной истории с подложными письмами, которые пишет вор Тыртык, чтобы оклеветать и перессорить положительных героев романа. Эти главы неожиданно сообщают всей «Сыр-Дарье» черты детектива, совершенно не вяжущиеся с духом этого интересно задуманного рассказа о сегодняшнем Казахстане.

Положительные качества романов Муканова и Мустафина заключаются в стремлении их авторов поставить основные вопросы современности. Как пойдет дальше рост колхозов? Какие новые трудности встанут перед их руководителями завтра, когда будут одержаны победы, подготовляемые сегодня? — спрашивает себя Мустафин и пытается дать ответ на эти вопросы. Что самое драгоценное в психологии и мировоззрении советского человека? Какие качества души и характера советского человека явились залогом его великих побед сегодня и помогут ему одержать еще большие победы завтра? — спрашивает Муканов и отвечает: самоотверженность в труде и борьбе; способность преодолевать ошибки прошлого, беспредельная любовь к Родине и чувство сталинской дружбы народов.

Присмотревшись к окружающей их действительности, оба казахских писателя нашли золотой материал, сразу придавший их книгам черты подлинного своеобразия. Именно те образы, главы и эпизоды романов наиболее удались, где писатели были ближе к правде жизни. В тех же эпизодах и главах, где правда советской жизни приносилась в жертву либо традиционной литературщине (как в эпизоде с подложными письмами Тыртыка в «Сыр-Дарье»), либо умозрительной отвлеченности (как в «проблеме Ахмета» у Мустафина), писатели неизменно терпели поражение.

В конечном счете обе книги — и Мустафина и Муканова — все же знаменуют движение казахской прозы вперед, торжество принципов социалистического реализма в казахском романе. Обе книги являются первым крупным ответом казахских писателей на исторические решения ЦК партии о литературе.

Надо сказать, что такими победами отмечен нынешний год не только в казахской литературе. Мы подробнее остановились на этих двух романах казахских писателей просто потому, что в короткой статье нет возможности говорить сразу о нескольких национальных литературах. Вместо казахской прозы можно было бы привести примеры из прозы украинской, давшей жизненно правдивые, современные произведения, например, колхозную повесть молодого писателя И. Рябокляча «Золототысячник» или повесть о восстановлении Криворожья «Племя сильных», принадлежащую молодому днепропетровскому писателю Дмитро Ткачу. О благодетельном воздействии современной темы на талант писателя свидетельствует и белорусская колхозная повесть Т. Хадкевича «Веснянка», и роман о бакинцах-нефтяниках азербайджанского прозаика Мехти Гусейна «Апшерон», и роман татарского писателя Г. Баширова-Разина «Честь» о татарских колхозах.

Всякий раз, когда писатель обращается к советской действительности как источнику вдохновения, он одерживает победу, если только умеет смотреть правде жизни в лицо открытыми глазами, не затуманенными никакими обветшалыми литературными приемами и традициями. Наоборот, даже самого одаренного писателя ждет поражение, если он перестает изучать жизнь, если он начинает верить, что вся народность и национальность искусства уже заключена, как в некоей колбе, в фольклорном наследии: сиди в кабинете и применяй фольклорные приемы в известных дозах к любой теме! Именно те отряды литературы и те писатели стоят на месте, которые не поняли приоритета жизни в искусстве. Недавнее решение ЦК КП(б) Азербайджана о состоянии азербайджанской литературы лишний раз напомнило это с большой убедительностью.

Знакомство с лучшими романами на современные темы, опубликованными в нынешнем году на разных языках нашей Родины, убеждает в несомненном под'еме советской прозы, вызванном историческими решениями партии о литературе и искусстве. Советская литература, вступив в тридцать второй год своего существования, идет к новому общему расцвету, являющемуся прямым следствием цветения всех живых сил советской страны, день ото дня одерживающей все новые победы во всех отраслях народного хозяйства и социалистической культуры.

Тов. Мелешкин сказал: НЕТ

И. БЕЛОВ

Свыше четверти века назад В. И. Ленин в широко известной статье «Об едином хозяйственном плане», критикуя произвол некоторых руководителей, гневно писал: «Конечно, право «утвердить» и «не утвердить» всегда остается за сановником и сановниками... Если же толковать по-бюрократически, тогда «утверждение» означает самодурство сановников, бумажную волокиту, игру в проверяющие комиссии, одним словом, чисто чиновничье убийство живого дела... Поменьше приемов Тит Титыча («я могу утвердить, могу не утвердить»)».

История изобретения инженера А. Гузеева наглядно показывает, как именно происходит иной раз убийство живого дела.

Современная железорудная и угольная шахта — это комплекс сооружений, в число которых входят наземные промышленные здания, жилые дома, обогатительные фабрики и т. д. Самый же сложный об'ект — ствол шахты.

На сотни метров в глубь земли, к угольным пластам, к железорудным жилам ведут узкие стволы шахт. Проходка этих стволов — технически одна из самых трудных работ. Ствол шахты прорезает твердые или, наоборот, «ползущие» породы, проходит через грунты, насыщенные водой. И действовать строителям приходится в необыкновенной тесноте, — словно в маленькой комнате, опущенной к тому же в земные недра.

Больше половины времени, необходимого для постройки рудника, занимает проходка ствола. Нужно механизировать проходку ствола — над этим давно уже трудятся виднейшие советские специалисты. Инженер М. Капелюшников, ныне член-корреспондент Академии наук СССР, впервые в мировой технике применил турбинное бурение на нефтяных промыслах. Лауреаты Сталинской премии К. Щепотьев и В. Иванов разработали метод бурения стволов угольных шахт. Лауреаты Сталинской премии инженеры П. Шумилов, Р. Иоаннесян, М. Гусман создали многоступенчатую гидравлическую турбину для бурения глубоких нефтяных скважин.

И все же очень медленно идет механизированное бурение.

Инженер Гузеев сконструировал агрегат для скоростной проходки стволов, названный им гидробурщит. На первый взгляд, невероятным и фантастическим кажется основное техническое свойство этой машины. С ее помощью можно ускорить бурение ствола в 100 раз. То, на что сейчас затрачивают 8—10 лет, можно сделать за месяц.

Это означает неслыханное еще в истории горной техники ускорение проходки стволов.

Любое техническое новшество, а тем более производящее технический переворот, всегда следует тщательно проверить, руководствуясь мудрой народной поговоркой: «Семь раз отмерь — один отрежь».

Но в этом случае мерили семижды семь раз! За пять лет, прошедших после того, как проект Гузеева был оформлен, он прошел **пятьдесят одну** экспертизу. В них разновременно и в разных сочетаниях приняли участие около 200 работников науки и техники.

Среди экспертов, признавших техническую ценность предложения Гузеева:

председатель государственной экспертизы Госплана СССР, академик Л. Шевяков;

изобретатель турбобура, человек, открывший новую страницу в истории горной техники, член-корреспондент Академии наук М. Капелюшников;

известные новаторы горного дела, лауреаты Сталинской премии Р. Иоаннесян, М. Гусман, В. Иванов, В. Маковский;

крупнейший знаток горно-проходческого дела, заслуженный деятель науки и техники, доктор технических наук Г. Ломов и многие другие.

Идею Гузеева горячо поддержали и те, кто непосредственно бурит и строит шахты: инженеры и хозяйственники Криворожья, Никополь-Марганца и угольщики Челябинска.

Лауреаты Сталинской премии Р. Иоаннесян, М. Гусман писали в своем экспертном заключении: «Считаем необходимым запроектировать модель гидробурщита диаметром 1,5—2 метра, изготовить опытную модель, испытать ее при проходке полутора-двухметровых стволов... На основе работы опытной модели запроектировать и изготовить гидробурщит промышленного образца».

Еще более решительно высказывался участник государственной экспертизы, один из виднейших деятелей гидромеханизации проф. Н. Холин: «Считать целесообразным приступить к изготовлению рабочих чертежей гидробурщита, увязав конструкторские работы применительно к конкретному заводу, и в кратчайший срок изготовить опытный образец гидробурщита...»

Наконец, совсем недавно, в апреле текущего года, проект одобрило техническое совещание при главном инженере Главруды, — именно Главруде было поручено реализовать изобретение.

И только один человек выступает против предложения Гузеева — это начальник Главруды тов. Мелешкин. В один прекрасный день, уже после того, как идея Гузеева была одобрена десятками крупнейших советских ученых и инженеров, тов. Мелешкин начертал резолюцию: «Применение гидробурщита для проходки скоростных шахт — **нереально...** Намеченная проектом производительность, по меньшей мере, **фантастична**».

В нашей стране наука и производство тесно связаны между собой, взаимно обогащают друг друга. Тов. Мелешкин, очевидно, хочет внести свои поправки в это положение.

Один из экспертов — профессор Н. Холин, в нарушение обычного спокойного стиля технических документов, пишет: «Необходимо обуздать тов. Мелешкина, обеспечить быстрейшую проверку предложений Гузеева».

Именно — проверку! И — быстрейшую! Вот о чем идет речь.

Тов. Мелешкин — инженер. Среди экспертов, признавших техническую ценность изобретения Гузеева, есть академики, профессора, лучшие производственники, у которых в свое время учился тов. Мелешкин.

С каким же «багажом» так решительно выступает тов. Мелешкин против заключений крупнейших советских авторитетов в горном деле, против их настойчивых требований **сконструировать хотя бы модель, чтобы практически проверить изобретение,** в котором заинтересовано народное хозяйство? Чем руководствуется начальник главка, когда ставит крест над увлекательным проектом?

Чтобы получить ясный ответ на эти вопросы, мы решили поговорить с тов. Мелешкиным.

Да, тов. Мелешкин знаком с заключениями буквально всех экспертов. Они ему известны. Но... «мало что люди напишут»(?).

«Люди напишут»... Так пренебрежительно отмахнулся Мелешкин от отзывов крупнейших ученых, академиков и профессоров.

Мы попытались узнать — может быть, кто-либо из ученых, инженеров поддерживает точку зрения тов. Мелешкина?

— Нет, соратников у меня нет, — заявил тов. Мелешкин.

Он единолично пришел к отрицательному выводу.

Но как же тогда расценить тот факт, что совещание при главном инженере Главруды Министерства металлургической промышленности высказалось за проект Гузеева, за практическую его реализацию?

— Да ведь протокола совещания я не утвердил, — хладнокровно замечает тов. Мелешкин.

Мелешкин может «не утвердить». Ведь это он возглавляет крупнейший главк Министерства металлургической промышленности — Главруду, и без его подписи сделать модели нельзя.

Можно было бы еще понять С. Мелешкина, если бы он противопоставил изобретению Гузеева какое-либо другое открытие, либо обоснованно опроверг заключение экспертов. Но этого ведь нет! Тов. Мелешкин просто-напросто высказывается против изобретения А. Гузеева, не предлагая взамен ничего и не доказав, что оно нереально.

Замечательные слова Владимира Ильича Ленина, приведенные в начале этой статьи, должен усвоить не только один тов. Мелешкин. Что происходит подчас с изобретением? Оно подвергается долгой и всесторонней экспертизе, которую осуществляют авторитетные и заслуживающие доверия люди, виднейшие представители науки и техники.

И они говорят — «да»!

Но вот заключение экспертизы восходит до того начальника, который должен сделать практические выводы. Казалось бы, здравый смысл и забота о государственных интересах требуют, чтобы после больших, иногда выражающихся в десятках тысяч рублей, затрат на экспертизу, после того, как ученые эксперты сказали свое ответственное слово в результате долгих и всесторонних исследований, — нужно немедля перейти к изготовлению опытного образца или, по крайней мере, модели. В самом деле, зачем же иначе было огород городить? Но, здравому смыслу вопреки, иной руководитель изрекает: «нет», совершая «чиновничье убийство живого дела», как писал Ленин.

На руках у изобретателя остаются заключения авторитетных экспертов, а народное хозяйство остается без важного новшества. В проигрыше — дело технического прогресса.

Как и в любом сложном техническом споре, в деле об изобретении инженера А. Гузеева можно и должно обсуждать все «за» и «против». И чем обстоятельнее и вдумчивее происходит такое обсуждение, тем больше гарантий против возможной ошибки. Но когда авторитетные эксперты, которых нельзя заподозрить в недобросовестности, берут на себя государственную ответственность, — тут уже не может быть места для произвола руководителя. И он не смеет свое право «утвердить» или «не утвердить» толковать по-бюрократически, превращая в игру неотложное для страны дело.

Письмо в редакцию

О САМОУПРАВСТВЕ НЕКОТОРЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

На-днях я получил письмо от читателя С. Е. Ильина из города Пятигорска. Тов. Ильин пишет:

«Недавно купил ваш роман «Белая береза» ставропольского издания и обнаружил, что в первой части его из'яты две главы, а по всему тексту сделаны значительные купюры. И мне стало больно за вашу книгу: неужели она не заслужила того, чтобы с ней бережно обращались? С вашего ли ведома она подверглась такой операции?»

Это письмо — яркий показатель хозяйской заинтересованности нашего читателя в литературе и издательском деле.

«У нас любят книгу, — писала недавно «Правда» в передовой статье. — Поэтому издавать книгу без любви к ней — значит оскорблять советского читателя».

К сожалению, ставропольские издатели, надо полагать, не знают этой простой и большой истины. Только этим и можно об'яснить их бездушное отношение к писателям и их книгам.

Конечно, мой роман подвергся в Ставрополе серьезной «операции» без моего ведома. Более того, о выходе его в свет я узнал... от читателя тов. Ильина. Ставропольские издатели не нашли даже нужным поставить меня в известность о том, что они переиздают «Белую березу».

Так же поступают и другие издательства.

Без уведомления меня «Белую березу» в начале лета выпустили в Омске. Только недавно издательство вдруг вспомнило об авторе и прислало мне авторские экземпляры книги. И что же? Оказывается, роман издан в первой редакции, которая год назад значительно изменена и улучшена.

Недавно совершенно случайно удалось узнать, что мой роман два месяца назад издан в... Москве издательством «Московский рабочий». Оказалось, что и в этом издании допущены ошибки. Почему же здесь книга вышла без моего ведома? Главный редактор издательства тов. Корелев, не смущаясь, заявил мне:

— Мы не знали вашего адреса.

У нас существует Управление по охране авторских прав, представители которого находятся во всех городах Советского Союза. Они занимаются только финансовой деятельностью. А почему бы им не проявлять заботу и о качестве книжной продукции?

Михаил БУБЕННОВ

П. ПАВЛЕНКО

Хирург-воин

Умер Александр Васильевич Вишневский, один из замечательнейших советских хирургов, родоначальник школы, создавшей эпоху в развитии советской военно-полевой хирургии.

И на восьмом десятке лет А. В. Вишневский сохранил поразительную работоспособность и удивительную душевную бодрость. Казалось, смерть еще далека от этого могучего старца с ежиком седых волос на крупной красивой голове воина.

Да и в самом деле это был воин. Не легко, не мирно входил он в науку, а воинствуя, борясь, отстаивая каждую пядь своих утверждений и находок.

В боях у Хасана, в боях на Халхингоде, в боях с белофиннами — именно там, а не в залах научно-медицинских обществ, впервые утвердились его научные открытия — и «мазь Вишневского», и новокаиновая блокада по методу ползучего инфильтрата. Это был успех, пришедший снизу — из медсанбатов, из передовых перевязочных пунктов.

В зимние месяцы 1939 г., в глухой финской тайге, мне довелось самому видеть работу хирургов-вишневцев, и то, как воспринимал их методы рядовой солдат, как трезво и умно становился он на защиту нововведений, оспариваемых чиновниками от медицины, было лучшим свидетельством жизненности находок Вишневского. Это было народное признание.

В годы Великой Отечественной войны окончательно утвердились и восторжествовали принципы его школы.

Будучи еще молодым земским врачом в сельской больнице, А. В. Вишневский мечтал о передовой хирургии, доступной любому врачу в любых условиях. Уже тогда его влекла к себе не академическая обстановка столичной клиники, а операционный стол низового врача, где бы можно было оперировать, как в столице. Вооружить этого врача-массовика как можно лучше — стало единственной мечтой А. В. Вишневского.

Одновременно с этим родилась и с годами крепла другая мысль, подсказанная, конечно, тоже многими годами работы в заброшенных сельских больницах царского времени, — уменьшить страдания больного, сберечь его силы.

Линия научно-практических интересов, методология нововведений Вишневского шла по единственно верному пути — ставки на низовую врачебную массу.

И оттого так широко известны и популярны его работы, не легко пробивавшие себе поначалу путь к признанию.

Только находить и изобретать было для него недостаточно: он закреплял найденное с энергией подлинного новатора, который знает, что остается лишь то, что пустило глубокие корни. Так садовник, выведя новый сорт растения, не скрывает его от глаз людских, а распространяет и пропагандирует всеми способами и средствами, ибо знает, что сорт хорош и нужен народу как можно скорее.

У Вишневского было чрезвычайно сильно развито чувство ответственности перед врачом, действующим вдали от центров науки. Какие чудесные рассказы о жизни и труде районных и сельских врачей жили в его богатой и по-русски разнообразной памяти! Как много он знал о маленьких новаторах, разведчиках науки, о никому не известных экспериментаторах, работающих где-нибудь в глубине Сибири или на Алтае.

К ним и только к ним была обращена его дума. Ими было полно его воображение. Да ведь и то сказать, — его ученики разбросаны по всем углам Советского Союза!

А как умел он рассказывать о своих больных! Казалось, что все они — люди исключительных судеб и огромного будущего, а Вишневский — не врач, а поэт. Он болел их болями и жил их интересами, как человек, которого судьба надолго, может быть, на всю жизнь связала с его подопечными.

Широкая, воинственная душа была у него.

Много сил черпали из нее самые разнообразные люди. Не чужд был А. В. Вишневский и нам, писателям. Многие знали его лично. Многие писали о нем. И я думаю, что лучшим выражением нашего уважения и любви к этому прекрасному ученому и человеку была бы книга. Я обращаюсь в первую очередь к Александру Поповскому и Алексею Югову, а затем и к многочисленным военным журналистам, писавшим как лично об Александре Васильевиче, так и о торжестве его методов на фронтах Отечественной войны.

Пусть книга продолжит его жизнь.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ПЛАГИАТ В ЭФИРЕ»

В заметке А. Кострова «Плагиат в эфире», опубликованной в № 77 «Литературной газеты», говорилось, что сотрудники редакции «Московских известий по радио» Хоменко, Груценко и внештатный корреспондент Троль занимаются плагиатом.

Выступление «Литературной газеты» помогло вскрыть наличие серьезных недостатков в работе редакции «Московских известий по радио». Специальная комиссия, созданная Московским радиокомитетом, установила, что использование чужих материалов с целью незаконного получения гонорара носило систематический характер. Комиссия выявила, что с января по июнь 1948 года имели место 23 случая плагиата. Кроме того, Хоменко и Груценко, используя свое служебное положение, выписывали повышенный гонорар себе и своим приятелям.

Приказом председателя Московского радиокомитета Хоменко от работы освобожден. Против него и бывшего сотрудника редакции Груценко возбуждено уголовное дело.

Как установила прокуратура Коминтерновского района, внештатный корреспондент редакции «Московских известий по радио» Троль неповинен в плагиате. Однако, в результате существовавшей в Московском радиокомитете порочной практики расходования гонорарного фонда, Троль незаконно получал деньги за материалы, автором которых он не являлся.

Колхозные лектории в Чувашии

ЧЕБОКСАРЫ. (Наш корр.). Во многих районах Чувашской АССР созданы колхозные лектории.

17 лекториев насчитывается в Яльчиковском районе. Об'единив вокруг себя местную интеллигенцию — учителей, врачей, агрономов, лектории несут в массы научные и политические знания, широко популяризируют учение великого преобразователя природы И. В. Мичурина, пропагандируют передовой опыт стахановцев колхозных полей.

Успешно работает сельский лекторий, организованный при Чуваш Исеневской избе-читальне (Октябрьский район). Здесь лекторы-общественники прочитали в колхозах 67 лекций, на которых присутствовало более 3 000 человек.

В. ЕРМИЛОВ

За боевую теорию литературы!

4. ПРЕКРАСНОЕ—ЭТО НАША ЖИЗНЬ!

В. Ажаев не только не скрывает, но и как бы прямо декларирует, что его роман «Далеко от Москвы» есть не что иное, как опоэтизированный производственный отчет. В предпоследней главе, которая называется: «Отчет перед родиной», он «обнажает» эту основу своего произведения. Молодой инженер Алексей Ковшов готовится к порученному ему отчету Москве об итогах строительства. Начальник строительства Батманов созывает совещание руководящих работников, ставит перед ними задачу участвовать в составлении доклада и излагает свои мысли о том, каким должен быть этот отчет.

Он учит людей освобождать сознание от «текучки» и понимать весь масштаб того, что они делают, понимать самих себя, не тонуть в деляческих мелочах. Начальнику снабжения он говорит:

«Если в вашем отделе отчет будет готовить человек с кругозором кладовщика, он скучно проканючит: сколько сапог, портянок, курток и брюк выдано рабочим, сколько израсходовано продуктов, уложились ли мы в нормы. Человек с государственным пониманием расскажет о другом...»

Человек с государственным пониманием расскажет о том, — говорит Батманов, — как наступила морозная зима, а у строителей почти не было одежды, но всетаки они отказались от государственных фондов, а то, что было получено, отдали Красной Армии, сами же оделись в бушлаты и телогрейки, пошитые из обмундирования, которое было списано в утиль военными частями.

Человек с государственным пониманием, докладывая о кадрах строительства, представит не только «охват соревнованием в процентах в разрезе месяцев». Нет, он расскажет о том, какие замечательные люди прокладывали нефтепровод, как на строительстве не было связистов, и комсомолка инженер Таня Васильченко создала бригаду комсомольцев, воспитала из них связистов, и они подвешивали провод связи на много километров, в мороз и вьюгу, ночуя в тайге, проходя суровую школу жизни. Он, человек с государственным пониманием, расскажет, как на строительстве нехватало сварщиков, и один заменял четверых; как погибли некоторые герои строительства, для которых дело было дороже собственной жизни. Докладывая об изобретательстве, человек с государственным пониманием доложит не только о «динамике рацпредложений по месяцам» и сумме экономии, полученной от изобретательства, — нет, он даст «живое человеческое сообщение» о неустанном, повседневном творчестве инженеров и рядовых строителей, о новаторстве и изобретательстве, которыми сопровождался каждый шаг строительства.

Так факты и цифры стандартного отчетного доклада — одного из многих тысяч докладов, направляемых Москве, — наполняются живой, многокрасочной, трудной жизнью, полной напряжения и высокого счастья созидания во имя родины. За диаграммами и таблицами встают люди, слышны их голоса, видны их усилия. Батманов расшифровывает, переводит на язык «живого человеческого сообщения» сухой, «прозаический» отчет, он учит людей так просеять все цифры и факты, чтобы за ними предстало главное—дело «совести и разума» каждого участника строительства и всего коллектива. Он учит видеть за цифрами вдохновение, успехи и слабости людей, видеть, как в ходе строительства каждый отдельный его участник находил и все крепче утверждал свое место в большом, новом деле и тем самым в жизни великой родины, и как сознание своей необходимости определяло духовный рост людей, и какое это высокое, благородное искусство—помочь человеку хорошо, правильно, с наибольшей полнотой найти и проявить себя в коллективе: особое, создавшееся в нашей стране и только ей присущее, граничащее с наукой по своей точности, глубине, разнообразию и гибкости методов, мудрое большевистское искусство руководства ростом людей.

Таков сухой производственный отчет, когда он переведен на язык «живого человеческого сообщения» человеком с государственным пониманием.

Но ведь как раз обо всем том, о чем говорит Батманов, и рассказано в романе В. Ажаева! Так государственное понимание оказывается одновременно и поэтическим пониманием. Потому-то производственный отчет и может стать основой художественного произведения, что в стране социализма любой такой доклад таит в себе огромное человеческое содержание, а тем самым богатейший поэтический потенциал, широкие художественные возможности. Потому-то и поэтичен у нас любой производственный «об'ект», что за каждым из них мы можем увидеть человеческую волю, разум и страсть, проявление лучших, самых благородных человеческих чувств — любви к родине, стремления к полноте всеобщего счастья — к коммунизму; за любым «об'ектом» мы чувствуем безграничный рост людей, их духовное обогащение, видим коллектив, способствующий каждому наиболее полно проявить все свои лучшие человеческие возможности. Но это и есть поэзия нашей жизни—новаторская поэзия социализма! И пусть прямолинеен сюжет «Далеко от Москвы», зато далеко не прямолинейны человеческие отношения, складывающиеся в труде, отношения между руководством и звеньями коллектива, между коллективом и отдельными участниками строительства.

Прежняя литература была беспредельно богата в изображении малейших нюансов и тонкостей личной жизни людей. Любовь, почти неуловимое, неясное, смутное переживание в сфере личных отношений, особенно любви, было исследовано великими мастерами психологического анализа в мельчайших составных частицах. Наша литература вступает в новую, еще не изученную область, в область новых человеческих отношений, складывающихся в социалистическом труде, в сфере организационного общественного творчества, большевистского руководства ростом людей, и оказывается, что здесь скрывается не меньше психологической сложности и тонкости человеческих отношений, чем в той области, которую по преимуществу разрабатывала литература прошлого.

Автор «Далеко от Москвы» исследует стиль и методы советского политического, производственного руководства, взятого в его эмоционально-психологическом содержании. Это, несомненно, новаторская тема литературы. Вот некоторые примеры.

Интересно, что совещание для обсуждения отчетного доклада Батманов созвал не из непосредственно деловых соображений. Парторг Залкинд и Батманов, решив созвать это совещание, «не возлагали на него особых надежд: вряд ли можно было рассчитывать на то, что начальники отделов после совещания придумают что-либо сверх обычных, давно установленных форм отчета».

Спрашивается: зачем же нужно было отрывать занятых людей от дела, заставлять их, кроме того времени, которое израсходовано на самое совещание, потерять еще несколько часов на обдумывание своих дополнений к докладу, загружать этим аппараты отделов?

Но здесь-то перед нами и открываются «секреты» стиля и метода «большевистского организационного творчества», как говорит Батманов, государственного воспитания людей, подлинного руководства ими, того умения поднимать их «трудовую температуру», творческую энергию, о котором писал Горький. Именно это умение поднимать людей на новые высоты политического сознания и ответственности и подсказало Батманову мысль о необходимости совещания. Пусть оно не даст никаких непосредственных деловых итогов. «Но, чорт побери, надо, чтобы их пронизала беспокойная мысль об ответственности момента! Надо, чтобы их взволновала нелегкая миссия Алексея! Пусть они не дадут ничего особенного для доклада Ковшова, они наверняка добьются большей, чем сейчас, пользы в работе».

Обсуждение предстоящего доклада дало людям возможность подняться на вышку, откуда отчетливо виден весь фронт их строительства, все сильные и слабые стороны коллектива и каждого человека. Люди как бы посмотрели на себя **глазами Москвы**. Это вызвало у них и чувство законной гордости за сделанное ими, и повышенное сознание ответственности, обостренную строгость, требовательность к себе и другим, — тот великий, мятежный и созидательный дух творческого, большевистского беспокойства, без которого человек еще не является **настоящим** человеком, без которого могут жить только обыватели. Посмотрев на себя глазами Москвы, люди получили удвоенную, утроенную энергию для преодоления всех слабостей, ошибок, недостатков, недоделок.

Будь на месте Батманова не человек с государственным пониманием, а руководитель масштабом поменьше, — не говоря уже о делягах и крохоборах! — он не созвал бы совещания, не увидев в нем «делового смысла», а ограничился бы только требованием к отделам представить цифровые данные, таблицы и диаграммы. Широта государственного понимания, присущая Батманову, оказывается, в конечном итоге, несравненно более деловитой, чем практичность и узкая толковость руководителей деляческого склада.

Вот такого рода умных, глубоких штрихов, рисующих методы, стиль большевистского руководителя, его обращения с людьми, его суровой, придирчивой требовательности, основанной на подлинном уважении к советским людям, вере в их возможности, — таких ценнейших наблюдений, деталей, частиц опыта рассыпано множество в романе, и именно они определяют его интерес и его новаторскую значительность.

Большевистское руководство людьми и их духовным ростом глубоко демократично по своей природе. Оно служит не цели подавления людей, к чему направлено буржуазное «руководство» — государственное, производственное и всякое иное, — а полноте раскрытия всех творческих способностей человека. Большевистское руководство служит одной цели: счастью миллионов простых людей. И поэтому одна из его главных особенностей, без которой оно перестало бы быть самим собою, заключается в стремлении, чтобы его сущность была понятной всем и каждому. Большевики воспитывают в людях великое чувство государственной ответственности, жесткой, непримиримой, но вместе с тем сознательной, а, значит, свободной дисциплины, привычку к прямой и честной критике и самокритике. Чем глубже понимает и чувствует тот или другой человек стиль и сущность большевистского руководства, тем выше он стоит на лестнице духовного, идейного, творческого роста, тем глубже и богаче его внутренний мир. Методы большевистского руководства являются вместе с тем и высокими, новыми моральными нормами нашей советской жизни, и поэтому степень понимания этих методов, критерии подхода к людям свидетельствуют и о степени моральной высоты того или другого советского человека.

Вот характерный эпизод с Таней Васильченко. Ажаеву удалось передать обаяние строгой, требовательной, смелой и женственной Тани, комсомолки, любимицы коллектива. Она строго руководит своей бригадой комсомольцев-связистов, приучает их переносить все трудности работы в морозной тайге, к которой так мало приспособлены эти городские юноши и девушки. К ним приезжает Батманов. Он видит самоотверженность комсомольцев, их преданность своей руководительнице, видит, что они работали честно и сделали много. Можно думать, что начальник похвалит Таню и этим еще больше укрепит ее авторитет перед лицом ее бригады. Но начальник холоден, как зима в тайге. И, вместо ожидаемой многими похвалы, он делает Тане при всей бригаде замечание в своем обычном резковатом стиле за то, что она не вполне точно выполнила свое обещание, данное ему, — «недотянула» провод связи.

Многим это кажется жестоким, неоправданным, несправедливым. Инженер Беридзе после этой сцены укоризненно говорит Батманову: «Несправедливый выговор, Василий Максимович. В подвеске проводов Татьяна Петровна со своими людьми установила рекорд. Никакая машина за ними бы не угналась».

Таня сначала чувствует себя подавленной и делится своей обидой с друзьями:

«— Батманов мной недоволен остался, ребятам сказал: «Вам досталась добренькая начальница». Почему он всегда нападает, метод у него такой, что ли?»

Что Таня отнюдь не «добренькая», не безвольная «начальница», хорошо знают все ребята в ее бригаде. Казалось бы, они должны быть возмущены несправедливостью Батманова. Но один из этих юношей, комсорг Коля Смирнов об'ясняет Тане причину сурового обращения с нею начальника строительства. Мысль, которую он высказывает, нельзя назвать иначе, чем мудрой:

«— Своей строгостью он хотел оправдать перед ребятами ее строгость, — сказал Коля Смирнов.

— Совершенно верно! — подхватил Алексей. — Есть матери, которые только целуют и ласкают своих детей, потакая им во всем. А есть матери, которые строги к своим детям, наказывают их и целуют редко, главным образом, когда дети спят. Голосую за строгую мать! Она не только любит, но и воспитывает... Ее дети — это верные дети... Суровая любовь. Отношение Батманова к тебе, наверное, такое же, как твое к ребятам».

Таня не сразу разобралась в том, что своим резким замечанием Батманов оказал ей настоящую, поистине дружескую помощь в ее трудной задаче непрерывно поддерживать подтянутость, самоотверженность, бодрость в руководимом ею коллективе. Батманов **поднял** авторитет Тани, облегчил ей работу своей **суровой любовью.** Ее строгость стала еще более понятной, еще более понятна ее ответственность и ответственность всей бригады.

Не удивительно, что инженер-коммунист Алексей Ковшов понял смысл жесткого обращения Батманова с Таней и что Таня, сперва не разобравшись, потом тоже поняла это, тем самым глубже поняв и свои отношения с бригадой, получила урок руководства. Но то, что юный Коля Смирнов понял это, свидетельствует о политической и моральной высоте, зрелости, о настоящем интеллектуальном, душевном богатстве, тонкости и чуткости наших «средних», «рядовых», «простых» людей.

Мы знаем, что критика и самокритика являются в нашей стране новым видом преодоления противоречий и конфликтов, выражением подлинной демократичности всего нашего строя. В романе Ажаева критика и самокритика предстают, как **моральное качество** советских людей, проявление их духовной силы, их страстного стремления к непрерывному росту, неустанному восхождению вперед. У Алексея Ковшова потребность в критике и самокритике стала чертой характера. «— Его ругают, а он радуется», — говорит Таня. Она уже подметила эту черту в Алексее: он открыто, без досады и сопротивления, принимал критику.

«— Дельная ругань—великая вещь»,— считает он. Об этой же черте Ковшова говорит и Батманов Залкинду: «Алеша... улыбается, когда его ругаешь. Меня даже рассердила как-то его улыбка. «Что вам смешно? Слушать надо и мотать на ус»,— говорю ему. А он, прямо глядя мне в глаза: «Я слушаю и мотаю, хотя и не отрастил еще усов. А улыбаюсь тому, что вы хорошо ругаетесь. Здорово пронимает! Когда так тебя проберут, лучше видишь свои недостатки, которых не замечал раньше»...

Это отнюдь не «алеше-карамазовская» скромность самоотречения. Если бы Батманов «плохо ругался», не справедливо, не деловито, не конкретно, Ковшов, при всей его дисциплинированности, сумел бы постоять за себя. Но он умеет посмотреть на себя глазами самого **дела**, и улыбка его, когда его ругают, выражает его **прочность**, как говорит о нем Батманов, его жадное стремление расти, завоевывать новые высоты. Такое отношение к самокритике — это любовь к делу, к людям, стремление лучше работать для них, любовь к жизни, светлое и прямое отношение к ней. Это чувство, как характерная моральная черта **настоящих** советских людей, могло быть воспитано только нашей, социалистической действительностью, где конкуренцию заменило соревнование, где люди освобождаются от пережитков душного эгоизма, недоверия всех к каждому и каждого ко всем. Неспособность к самокритике, связанная с рутинерством, с непониманием главного закона жизни: непрерывного изменения действительности, ее движения вперед,—предстает перед нами в романе как **моральная** ущербность; предельщик, инженер Грубский характеризуется как «страшное своим самодовольством существо, черствое, с метафизическим складом ума». Метафизический склад ума, связанный с самодовольством, нелюбовью к движению, изменению жизни, — эта черта впервые предстает в литературе, как характеристика **морального облика** человека; черствость поставлена рядом с **нелюбовью к самокритике**, с самодовольством, одно является оборотной стороною другого. Так наша литература рассказывает нам о **новых, высоких моральных нормах**, сложившихся в нашем обществе, о новых этических критериях оценки людей. Она рассказывает о суровой и нежной любви к человеку, которой проникнуты эти новые нормы и критерии нашей, социалистической морали.

В романе В. Ажаева очень мало морализирования, дидактики, рассуждательства. Все моральные оценки прямо вытекают из действия, из борьбы новаторского и рутинерского на строительстве, непосредственно связаны с производственными процессами. И из всего этого перед нами возникает поистине романтический образ огромного, светлого, смелого, взволнованного мира, действующего, борющегося, воспитывающего, поднимающего выше и выше замечательных, прямых, мужественных людей, с богатой, мудрой, тонкой культурой отношений и чувств, рожденных в социалистическом обществе, в процессе свободного, разумного, вдохновенного социалистического труда. Мы чувствуем беспредельную широту этого мира, его захватывающую творческую страсть. Эпиграфом к роману можно было бы поставить слова, относящиеся к одному из героев: «Его неудержимо влекло желание действовать, бороться, захватывала та полнота жизни, которую можно назвать счастьем». Это желание захватывает и всех героев романа. Оно увлекает, «заражает» и читателя.

Полнота счастья — полнота проявления всех лучших творческих сил любого человека: достижению этой цели служит вся наша жизнь, весь наш труд, вся наша мораль, вся мудрость большевистского руководства людьми. «У нас человека изменяет и ставит на место коллектив, вся наша система», — говорит один из героев, выражая главную мысль всего романа. И в самой концовке, завершающей роман, звучит этот его лейтмотив. Алексей Ковшов на пути в Москву жадно смотрит вниз из окна самолета. Его наполняет чувство внутренней свободы. С большой высоты он видит места, где развернулось их строительство.

«Промелькнула станция, уменьшенная до размеров спичечной коробки. Несколько дней назад Алексей вот так же пролетал над трассой, и его вновь поразил размах строительства. А сейчас он с восторгом подумал: в сравнении со всей страной наш громадный нефтепровод тоже не больше спичечной коробки!

Почти физически ощутил он необ'ятность страны и всего, что происходило на ее просторах. Он испытывал необыкновенную полноту чувств, ему хотелось петь: еще никогда раньше он, Алексей Ковшов, так хорошо и ясно не видел, не чувствовал, не представлял себе своего места в жизни великой родины, в ее титанической борьбе за будущее».

Такова романтика социалистического реализма. Жизнь, наполненная чувством внутренней свободы, титаническим размахом труда и борьбы во имя счастья всех, кто трудится; жизнь, необ'ятная и светлая, как родина,—родина, суровая и нежная, как мать, — такова поэзия нашей жизни. Полноту чувств, счастье наши люди испытывают от полноты проявления самих себя в могучем созидании. **Прекрасное — это наша жизнь! И чем реалистичнее наша литература, тем она романтичнее,** — таков закон нашей эстетики.

В романе В. Ажаева поэзия нашей действительности далеко не раскрыта с той силой, которая была бы равна духовной силе и красоте наших людей, богатству и своеобразию их индивидуальностей. Автор скорее ставит новую художественную задачу, он скорее **указывает** на необ'ятность поэтического потенциала нашей действительности. Но уже постановкой новой художественной задачи он делает большое новаторское дело.

Окончание следует.

Продолжение. См. «Литературную газету» № 91

И. МИХАЙЛОВ

Будущее родной природы

Географическая тема всегда была близка русским писателям. Это вполне естественно для страны, которая, вместив едва ли не все ландшафтные зоны земного шара, заняла более половины северного полушария. Эта тема требовала для своего освоения огромного благородного труда. Вспомним Ломоносова, вспомним Гоголя с его знаменитыми «мыслями о географии», где он выступает борцом за научно-художественную географическую литературу. Не забудем и тот, не случайный, конечно, факт, что труды русских географов всегда, начиная со Степана Крашенинникова, отличались яркой литературной формой, а подчас были и высокохудожественны.

Но подлинно общественное, публицистическое звучание географическая тема приобретает лишь в наше, советское время, когда переделка народом лица страны свидетельствует о приближении коммунизма.

На важное общественно-литературное значение географической темы в нашей жизни первый указал Горький. Он смотрел на географию не как на мертвый перечень островов, рек, заливов и озер, а как на область трудовой творческой деятельности народа. Горький как бы «очеловечивал» географию. Он ясно видел плановую, социалистическую природу изменений нашей карты. «Соединенный с волей пролетариата-диктатора, разум осушает болота, добывая из них топливо, орошает засушливые степи, изменяя течение рек, заставляет силу падения воды создавать электроэнергию и огонь, он режет дорогами непроходимые горы, побеждает вечные льды Арктики, соединяет моря каналами, он изменяет физическую географию огромной страны социалистических республик...»,— пишет М. Горький.

Существуют «поэзия слияния с природой» и «поэзия преодоления сил природы»,—говорит Горький. Он, конечно, поборник последней: «разум все более дерзновенно, успешно и наглядно показывает свою мощь творца и организатора «второй природы», т. е. культуры, на почве, из силах и сокровищах первой природы, древней, неорганизованной и даже враждебной интересам трудового человечества»,—говорит он в другой статье.

К теме новой географии Горький возвращается постоянно. Он хочет, чтобы эта тема была раскрыта в литературе, и не устает повторять: «Миллионы и десятки миллионов пролетариев всех земель ждут от нас яркого, горячего слова, ждут простых и ясных изображений великих успехов работы, совершаемой массами и единицами, в которых сгущена чудесная энергия масс».

«Дорогие товарищи! — обращался Горький к писателям. — Вы живете в атмосфере коллективного труда масс, изменяющего физическую географию земли...»

***

На творчестве многих писателей, пишущих на географические темы, сказалось влияние Горького. Постоянной поддержкой и советами Горького пользовался М. Ильин во время своей работы над отличной книгой «Горы и люди». Горький интересовался и ранее вышедшим «Рассказом о великом плане» М. Ильина, тоже посвященном переделке страны и ее природы. Направление моей работы также целиком определено М. Горьким. Тема, которой я занимался в созданном Горьким журнале «Наши достижения», была совершенно определенная, «целевая» — новая география СССР. Первая моя более или менее крупная работа, хоть и была напечатана в журнале, все же не удовлетворила Горького.

На Первом с'езде советских писателей Горький говорил:

«Мы все еще плохо видим действительность... В литературе нет нового пейзажа, резко изменившего лицо нашей земли».

И на пленуме правления Союза писателей:

«...Мы не умеем охватить всей картины строительства. Мы не знаем, что делается где-то на Колыме, в Средней Азии, на островах Арктики».

Получить одобрение Горького мне удалось только после долгих трудов, когда Горький напечатал в альманахе «Год XIX» мою работу «Почерк истории» и счел возможным дать подзаголовок «Новая география СССР».

Но и в «Почерке истории» темы новой географии были лишь намечены. Потребовалось одиннадцать лет, чтобы развернуть эти темы в книге «Над картой Родины».

Рассказывая о том, как наш народ изменил и изменяет лицо своей страны, я, естественно, подошел к теме будущего. Ведь мы строим в огромных масштабах и надолго, с точным научным расчетом. Сегодняшний пейзаж — ступень к пейзажу завтрашнему, и этот завтрашний пейзаж мы можем видеть, потому что во многом знаем, каким он будет. Только наша социалистическая страна может обладать, применяя выражение Ломоносова, даром «предзнания». Только советский писатель, участник строительства коммунизма, может создать не фантастический, а реальный рисунок природы будущего.

В самом деле. Вот сейчас, по решению партии и правительства, развертываются посадки лесных полос в наших степных и лесо-степных районах. Не только новый облик всей степной зоны, но и новые, планово создаваемые природные условия для сельскохозяйственной деятельности,— вещь совершенно невиданная. А подготавливаемый Кара-Кумский канал—ведь это совершенно новое соотношение «оазиса» и «пустыни», новый пейзаж Средней Азии. Или перестройка всей Восточной Сибири в связи с будущими гидростанциями на Ангаре. Или впервые в истории начатое государственное строительство сел. Или проектировка новых городов. А огромное количество более «локальных» черт и деталей в картине будущего, уже ясно нами ощущаемых, — небоскребы Москвы, электричка на Южном берегу Крыма, виноградники Приморья, бахчи в лесной зоне, соединение Волги с Доном... Все то, что создано или будет создано советским человеком. Какая увлекательная тема! Это тема горьковская.

«...Нам необходимо знать не только две действительности — прошлую и настоящую, ту, в творчестве которой мы принимаем известное участие. Нам нужно знать еще третью действительность — действительность будущего», — говорил он.

Действительность будущего!

Горький не давал писателям легких тем. Эта — ответственнее и труднее других.

По мере сил разработать эту тему в новых книгах — наша сегодняшняя задача.

В Союзе советских писателей СССР

Новая книга стихов К. Симонова

«Друзья и враги»—так назвал Константин Симонов свою новую книгу стихов, опубликованную в № 11 журнала «Новый мир».

Книга возникла под влиянием впечатлений от поездок за границу. Она, по выражению автора, является своеобразным дневником этих поездок. В книге рассказано о памятных встречах поэта с друзьями Советского Союза — прогрессивными зарубежными деятелями и простыми людьми. В новых стихах К. Симонова даны острые сатирические зарисовки злобствующих врагов нашей страны.

В начале вечера, организованного секцией поэтов Союза писателей, Константин Симонов прочел стихи, вошедшие в книгу.

Как значительное явление советской поэзии оценили новую работу К. Симонова участвовавшие в обсуждении Д. Данин, З. Кедрина, Г. Николаева, А. Ситковский, П. Воронько, А. Барто, В. Инбер, С. Щипачев, Б. Яковлев, Е. Босняцкий, Я. Смеляков, М. Алигер, А. Софронов и другие. Они отмечали яркую публицистичность, страстность, подлинный интернационализм и патриотизм новой книги стихов К. Симонова. Выступавшие подчеркивали умение поэта точно отобрать главное из громадного количества материала, зорко увидеть высокие качества наших друзей и отталкивающие черты врагов. Способность рассказать об этом сильно и убедительно — одно из достоинств К. Симонова.

Вместе с тем, участники обсуждения отмечали недостатки книги.

С. Васильев, А. Коваленков и другие говорили о художественной незавершенности отдельных стихотворений, строф и строк. Не все части книги равноценны.

В заключение выступил К. Симонов, который остановился на некоторых высказываниях и поблагодарил собравшихся за дружескую творческую критику.

НАХОДКИ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Изучение древнерусских городов

В Москву возвратились археологические экспедиции, организованные Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР. Многие экспедиции изучали города древней Руси. Найдены сотни интересных памятников.

Заместитель директора института, доктор исторических наук профессор С. Киселев сообщил корреспонденту «Литературной газеты»:

— Широко велись раскопки в Новгороде, где уже ранее были сделаны важные открытия. В центральной части города, на Ярославовом Дворище, где в XI веке стоял княжеский дворец, теперь открыли много древних сооружений.

В том же районе был откопан тщательно отделанный деревянный бассейн с трубами. Бассейн, относящийся к XII веку, доставлен в Москву. В другом месте вскрыты каменные городские ворота с симметричными пилонами. Экспедиция обнаружила в Новгороде предметы XI—XV вв.: хомут с узорами, стрелы, меч, кубок на высокой тонкой ножке с широким днищем и надписью, набор ювелирных инструментов, различные украшения. Найдена свинцовая печать Александра Невского. На одной ее стороне изображен воин, ведущий под уздцы коня, на другой — всадник с мечом.

Уже много лет изучают археологи один из самых древних городов Руси — Старую Ладогу, возникшую в VI—VII вв. Раскопки дали обильный материал, способствующий выяснению ранней истории восточного славянства. Исследователи раскопали ряд деревянных построек VII—X вв., собрали большое число художественных изделий из дерева. Значительный интерес представляют остатки деревянного корабля, относящегося к X веку, — они позволяют судить о высоком мастерстве древнерусских кораблестроителей.

Одним из крупнейших центров древней Руси была Старая Рязань — в XI столетии главный город удельного княжества (он находился в 50 километрах от современной Рязани). В текущем году советские археологи сделали на месте этого исчезнувшего города важные открытия. Обнаружены 16 жилищ, относящихся к XI—XIII векам, найдены многочисленные художественные изделия и предметы быта.

Успешными оказались и археологические исследования в Пскове. Открыто несколько жилищ; собраны интереснейшие предметы, свидетельствующие о древнем литейно-кузнечном ремесле. Изучение крепостных стен местного кремля позволило установить, что Псков, как город, возник в конце VIII века.

Полоцкая археологическая экспедиция обследовала шесть крепостей, построенных Иваном Грозным. Существовавшие 13 лет— с 1566 по 1579 год, — эти крепости представляют большой интерес для изучения истории русской фортификации.

Впервые велись археологические работы в Вологде. Письменные источники содержат скудные сведения о древней истории этого отдаленного центра Московского государства. Уже первые раскопки позволили установить характер планировки улиц и жилищ; находки археологов подтверждают, что город возник в XII веке.

Навстречу с'езду писателей Украины

КИЕВ. (Наш корр.). Со всех концов Украины поступают сведения о том, как вместе с писателями республики тысячи читателей готовятся ко второму с'езду писателей Украины.

По инициативе харьковской организации ССП, проведен «День советской литературы» на одном из гигантов индустрии — возрожденном Харьковском тракторном заводе. В этот день, в обеденный перерыв, писатели выступили в 16 цехах завода. Состоялись также товарищеская встреча писателей с читательским активом в библиотеке завода и большой литературный вечер в клубе. Заводская многотиражка «Темп» посвятила «Дню советской литературы» специальный номер.

В Одессе областная библиотека имени Ленина провела несколько многолюдных литературных конференций, посвященных обсуждению новых произведений молодых украинских писателей — повестей «Золототысячник» И. Рябокляча, «Племя сильных» Д. Ткача и др. Состоялась встреча поэта В. Сосюры с моряками флагмана торгового флота—дизельэлектрохода «Россия». Конференцию, посвященную творчеству А. Корнейчука, организовали областная библиотека имени Тимирязева и кафедра украинской литературы Педагогического института Винницы

Группа украинских писателей побывала на-днях в колхозе имени Сталина (с. Белгородка, Киевской области). Писатели приняли участие в литературном диспуте колхозников, обсуждавших новый роман С. Скляренко «Хозяева». Этот роман посвящен теме возрождения украинского села после войны. Колхозники в своих выступлениях глубоко разбирали достоинства романа, отметили его недостатки.

Всей республике известен своим передовым опытом массово-политической и культурно-просветительной работы Марьинский район Сталинской области. Здесь сотни агитаторов, беседчиков и чтецов популяризируют лучшие произведения советской литературы. Сейчас в селах района обсуждаются новые книги писателей Украины. Наряду с произведениями украинских писателей обсуждаются также книги русских советских писателей — «Гурты на дорогах» В. Авдеева, «Белая береза» М. Бубеннова, «С фронтовым приветом» В. Овечкина и другие.

Корпус БАРГА

Местожительство — Земля!

Беседа с Пабло Нерудой

Среди тех удивительных вещей, которые происходят в мире и множатся с каждым днем, всего удивительнее (если удивление еще возможно) голос, звучащий по-испански и раздающийся в Америке, исходящий неизвестно откуда, и с огромным резонансом, словно бы подхваченный и передаваемый радиоволнами, говорящий основные истины американцам.

Голос Пабло Неруды никогда не был так значительным, как сегодня, когда он звучит из тайного убежища. Поэт не может сказать: «Я здесь» (будем надеяться, что он сможет сказать это очень скоро), но его слова слышат и слушают повсюду. Если бы люди, заставившие замолчать собственную совесть, смогли разыскать убежище Пабло Неруды, они заставили бы замолчать и его. Пабло Неруда — это совесть Латинской Америки нашего времени.

Как известно, Виктор Гюго, живя в изгнании на острове у берегов Нормандии, получил однажды письмо с адресом: «Атлантический океан. Виктору Гюго». Единственный адрес Пабло Неруды, который я могу дать, это — заглавие одного из его произведений: «Местожительство — Земля». Этот адрес не может быть указан точнее.

Я приехал к нему, я приехал к тайному источнику его голоса, растекшегося по Америке, как еще одна река. Я увидел его, обнял его, своими ушами я слушал его голос. Я говорил с поэтом. В его местожительстве — на Земле.

Я не скажу, из какой страны я выехал. Но я скажу, куда прибыл: там течет Ла Плата. Не спрашивайте больше ничего. Я отвечу так, как уже ответил случайному спутнику, спросившему меня, куда я направляюсь: «Меня ждут». Что даст вам такой ответ?

Меня ждало такси, как всех путешественников. На такси я приехал в гостиницу и зашел в нее. Другое такси отвезло меня на телефонную станцию. Я считаю, что телефонная связь в этой стране функционирует хорошо. Довольный, я нанял третье такси и отправился в условленное место. Сквозь высокие деревья пробивались солнечные блики. Отпустив машину, я стал прогуливаться. Я задержался на краю тротуара. Большой автомобиль быстро под'ехал ко мне. Он остановился, дверь открылась. Через секунду я уже сидел с кем-то рядом, и вскоре мы оказались за городом. Поля как бы расступались перед нами, открывая нам дорогу и не задевая нас.

Незачем описывать пейзаж. Вы пропустите описание, как в романах. Вы хотели бы попасть в дом Неруды раньше, чем я. Ваше желание кажется безнадежным, но вы правы. Пейзаж в романе и тем более в правдивом отчете вводится для того, чтобы читатель отдохнул. На самом деле при этом отдыхает автор. Заинтересованному читателю время кажется чересчур длинным. Читатель хочет начать прямо с того, что он ищет...

Корпус Барга — видный испанский литературный критик и журналист, эмигрировавший после поражения республиканской Испании в Париж. В августе этого года Барге удалось встретиться с крупнейшим поэтом Латинской Америки Пабло Нерудой, которого реакционные правители Чили, как известно, об'явили вне закона.

В доме, где Пабло Неруда живет сегодня, вы не найдете покоя. Пабло Неруда — не тот поэт, которому свойствен сидячий образ жизни. Завтра вы его здесь уже не увидите. Во всяком случае, одно несомненно: поэт не витает в облаках. Его местожительство — на Земле.

Нервно приближается петух... Другого сторожа у этого дома нет. Это деревенский домик, спокойный, без собак и без волков; много тропинок ведет к нему. Ключ лежит под дверью. В первой же комнате стоит Пабло Неруда, большой, сильный, он раскрывает об'ятия, улыбается... Делия, его жена, тут же; больше чем когда бы то ни было, она — его подруга. Делия смеется, она счастлива, она верна судьбе Пабло.

Домик, поля — все исчезло. Пабло и Делия — такие же, как в Париже, где я видел их в последний раз. Пабло подходит к столу, берет брошюрку и какой-то листок, протягивает их мне. Листок — это об'явление о вечере в честь чилийского поэта, состоявшемся в Сорбонне. А брошюра — это посвященный Неруде сборник произведений Элюара, Арагона, Жильбера Ансиана, Клода Серне, напечатанных в газете «Леттр франсез» и переведенных на испанский язык в Париже, когда французские друзья Неруды узнали о преследованиях, которым он подвергся.

— Газета «Леттр франсез», — говорит Неруда, — была подпольным органом Сопротивления во Франции, таким же, какими сегодня стали все издания Сопротивления в моей стране. Вот доказательство того, что, хотя война и окончена, наши враги все еще живы. Знаки внимания и солидарности со стороны французских поэтов, которых я так люблю и которым удивляюсь, не кружат мне головы. Они наполняют меня мужеством и надеждой. Я думаю о Франции, которую я оставил в начале войны. Франция тогда казалась мертвой. Поэты Сопротивления, сколько они сделали для того, чтобы возродить ее! С каким героизмом они боролись!

В брошюре вслед за произведениями французских поэтов опубликована «Хроника 1948. (Америка)» Пабло Неруды. Там в конце стоит:

> Мое сердце в этой борьбе.
> Мой народ победит...

Мое посещение Неруды не имело коварной цели — подвергнуть его пытке вопросов или получить от него интервью. С друзьями так не поступают. Я приведу только несколько отрывков из нашего разговора.

Неруда — человек с ясным восприятием реальности. Когда ему предстоит выступить с каким-нибудь практическим делом и другие сомневаются, способен ли он на это, он улыбается и говорит:

— Не беспокойтесь: я это сделаю посвоему.

И делает это очень хорошо: он — политик-реалист. Его нежность к своему народу превращается в ярость против угнетателей, против эксплоататоров.

— Я никогда не мог привыкнуть, — сказал он как-то, — к тому, что столько раз имело место в моей консульской деятельности. Когда консулы собирались на важное заседание со всеми документами в руках, чтобы обсудить важный вопрос, они, как правило, ничего не решали, ничего не обсуждали. И тем не менее они расставались так, будто бы все разрешили.

Пустота, бездеятельность, ирреальность существования — вот враги Неруды. То, о чем он мечтает для своей страны, совсем не утопично. Он хочет опереться на демократические традиции Чили, чтобы улучшить условия жизни народа.

— Мы требуем, чтобы чилийцы были хозяевами хлеба, который они едят, — говорит он.

Всю силу своей поэзии Неруда посвящает тому, чтобы добиться улучшения условий жизни народа. В подполье он много написал. Жизнь, которую он вынужден вести, стимулирует его труд.

— Как можно утверждать, будто поэт должен сторониться политики? — говорит Неруда. — Подлинная поэзия служит жизни, народу до конца.

И продолжает:

— Кто в силах отделить поэзию от социальных условий своего времени! Поэзия, если только она хочет быть чем-то подлинно значительным, не может закрывать глаза на то, что человечество на своем пути следует определенным законам, движется в определенном направлении и что это — движение к свободе.

И еще сказал Неруда:

— Пусть с поэзией не случится того же, что у нас нередко случается с философией. Ведь почему-то принято говорить, что «философски принимать жизнь» — это значит: смириться и унизиться. Поэзия невмешательства будет тоже подлой. Писать надо для того, чтобы активно вторгаться в жизнь.

* *

Когда я уходил из дома, где скрывался Пабло Неруда, я повторял про себя его стихи:

> Если вы спросите меня, откуда я пришел,
> Я должен вам ответить: давайте смотреть в будущее...

(Написано в одной из стран, где течет Ла Плата).

Андрей БЕЛОЗЕРОВ

ДОРОГА ДРУЖБЫ

У подножья степного мавзолея Марашешть, хранящего останки советских солдат, геройски павших в борьбе за освобождение Румынии от гитлеровцев, лежат букеты живых цветов — память о людях, принесших румынской земле счастье и процветание. Цветы не только здесь — они всюду, где прошла в осень 1944 года Советская Армия. Они — в Карпатских горах, у обелиска советским воинам, воздвигнутого ардяльскими рабочими, они — на центральной площади Клужа, перед памятником, изображающим вздыбленный советский танк, они — на площади Виктории в Бухаресте, где высится бронзовый монумент в честь солдата великой армии-освободительницы.

Но, может быть, сильнее, чем в камне и бронзе, и ярче, чем в горении цветов, чувство признательности запечатлено в сердцах простых людей многих государств, стремящихся к вечной дружбе с страной социализма. Одним из проявлений этого чувства явилось создание обществ культурной связи с Советским Союзом, ставших всенародными организациями. Такое общество возникло и в Румынии.

Это произошло знаменательной осенью 1944 года, когда Советская Армия вела освобождение балканских народов. В скромной профессорской квартире, находящейся в отдаленном уголке столицы Румынии, собралась группа ученых. Они встретились здесь запросто, как встречались много раз во время войны. Но в этот день они составили обращение, которое назавтра было опубликовано бухарестской прессой. В словах, исполненных гнева, ученые заявляли, что виновниками трагедии, которую пережила Румыния в последние годы, были ее тогдашние правители, силой подавлявшие желание народа жить в дружбе с великой страной социализма. Отметив, что гарантии подлинной независимости Румынии и ее процветания — только в развитии самых широких связей с Советским Союзом, профессора сообщали о своем решении положить начало Обществу дружбы с СССР.

Среди подписавших обращение были имена наиболее крупных деятелей современной румынской культуры — широко известного ученого академика Константина Пархона, ректора Бухарестского университета, математика Стоилова, автора большой работы о советской экономике академика Митице Константинеску, лучшего румынского романиста Михаила Садовяну, декана филологического факультета Бухарестского университета профессора Россети, крупного нейрохирурга профессора Багдасара. Все они — представители прогрессивной интеллигенции, разделявшие демократические устремления народа и всегда близко стоявшие к румынской коммунистической партии или связавшие с нею свою жизнь.

Новую организацию назвали «Румынское общество укрепления связей с Советским Союзом», коротко — АРЛЮС. Душой АРЛЮС'а стал его президент академик Константин Пархон. Правительство Антонеску в свое время жестоко расправилось с ученым, лишив его университетской кафедры. Правительство Грозы не только вернуло Пархона в университет, но облекло его пожизненно профессорским званием. Академик Пархон сумел сплотить вокруг нового общества людей, преданных идее упрочения дружбы с великим соседом Румынии на востоке, дал простор их инициативе. И ячейки АРЛЮС'а возникли в шахтах Лупени и на далеких крестьянских хуторах, в соляных копях Сигета и на нефтяных предприятиях Плоешти. Так бывает только с начинаниями, которые отвечают чаяниям широких народных масс.

Едва вы вступаете на шумную Каля Виктория в Бухаресте, ваше внимание привлекают нарядные витрины книжного магазина арлюсовского издательства «Карта Руса». Сегодня это самый популярный книжный магазин столицы. За четыре года, прошедшие со дня основания издательства, оно выпустило около трехсот книг советских авторов, тиражом в два с половиной миллиона экземпляров. Восемьдесят магазинов «Карта Руса» открыто по всей Румынии.

На этой же улице, в белом красивом особняке, обвитом диким виноградом, помещаются библиотека и читальня АРЛЮС'а. Просторные, красиво отделанные комнаты ежедневно принимают сотни посетителей. В большом нарядном зале на втором этаже каждую субботу АРЛЮС устраивает доклады, диспуты или концерты. Здесь Садовяну читал свои переводы тургеневских «Записок охотника». Общественность чествовала в этом зале академика Пархона. Румынские журналисты, вернувшиеся из СССР, делились тут впечатлениями о поездке. В этих стенах выступали перед обширной аудиторией многие представители советской страны.

В нескольких шагах от библиотеки высится здание Советско-румынского института. У этого института примечательная история. В свое время западные державы всячески старались нарушить давние духовные связи Румынии со славянским миром. АРЛЮС поставил перед собой задачу: сделать русский язык достоянием широких кругов румынской интеллигенции. В страну была приглашена советская педагогическая миссия. В короткий срок она подготовила сто преподавателей русского языка. После того институт взял на себя труд продолжить эту работу. Сотни студентов собрал он в своих аудиториях. Институт об'единил также людей науки, литературы и искусства.

В стороне от главной магистрали города, в скромном здании на улице Дионисиу разместился руководящий аппарат совета АРЛЮС'а. Сюда сходятся нити со всей страны. Тут нередко можно встретить бурильщика из Плоешти в спецовке и фетровой шляпе, молдавского селянина в длиннополой холщевой рубахе и сучавского лесоруба в безрукавке из белого сукна, расшитой черным шнуром. Здесь, так же как и в уездных филиалах, чувствуется, как глубоко проник АРЛЮС в толщу народных масс. В стране насчитывается сегодня 12 тысяч организаций общества, из них 7.600 на селе. Общество об'единяет полтора миллиона граждан Румынии.

С такими итогами пришел АРЛЮС к своему второму конгрессу, который состоялся недавно в Бухаресте. Конгресс, подытожив работу АРЛЮС'а за четыре года, наметил программу дальнейшего расширения румынско-советских культурных связей.

Румынский народ видит в лице Советского Союза не только освободителя, но и искреннего друга, неустанно помогающего ему в строительстве новой жизни. И потому непрестанно крепнут узы румынско-советской дружбы. Потому румынский народ высоко поднимает свой национальный красно-желто-синий флаг рядом с красным флагом советской державы. Этими флагами, как вехами, отмечена сегодня дорога румынского народа в будущее.

Христианская дубинка де-Гаспери

В итальянских городах раздаются звуки выстрелов и льется кровь трудящихся. Молодчики из числа бывших чернорубашечников, ныне состоящие в подручных у министра внутренних дел Шельбы, проводят очередную операцию, расправляясь с бастующими рабочими Милана. Как видно на снимке, взятом из английской газеты «Дейли грэфик», полиция разгоняет забастовщиков резиновыми дубинками.

Ф. ТЕРСКИЙ

Письмо из Китая

Американские нравы на китайской почве

Американские экспансионисты в изобилии поставляют в гоминдановский Китай вместе со стандартизованным оружием голливудскую киностряпню и уголовно-эротическую и мистическую литературную макулатуру. Методы заатлантических культуртрегеров не отличаются особым разнообразием, и Китай в этом отношении разделил судьбу «маршаллизованных» стран.

Книжный рынок Шанхая, Нанкина, Бейпина и других городов буквально завален американским бульварным чтивом. Множество книг и журналов на китайском языке доставляется в страну из США, многое переводится и издается в самом Китае. Эти издания поступают на рынок беспрепятственно. Американская «информационная служба» в Китае, помимо того, бесплатно распространяет свою пропагандистскую литературу, выпускаемую большими тиражами. Весь этот грязный поток мракобесия и пошлости наводняет китайские университеты и школы, библиотеки и отравляет сознание тысяч людей.

Верным слугой и проводником американской пропаганды в Китае является продажная гоминдановская пресса. Фашистский листок «Цзюгожибао» писал както в передовой статье, что «оказание помощи Китаю дает США возможность создать мощный бастион на азиатском континенте и занять совершенно неприступные позиции в третьей мировой войне». В таком же духе, раболепствуя перед американским империализмом, выступают и другие гоминдановские газеты.

Роль апологетов американского экспансионизма в Китае выполняют также сотни китайцев, обучавшихся в Соединенных Штатах. К числу наиболее ревностных поборников американизации Китая относится бывший китайский посол в США и известные гоминдановские деятели профессор Ху Ши, Сун Цзы-вэнь, Кун Сян-си, Сунь Фо, У Тье-чэн, Тао Си-шен, Ли Вэй-го, Чжан Дао-фань. Особые «заслуги» в области превращения Китая в американскую вотчину имеет мадам Чан Кай-ши, о которой китайцы говорят, что она «больше американка, чем сами американцы».

Немало потрудились над воспитанием китайцев в угодном янки духе реакционные гоминдановские писатели, оказавшиеся достойными последователями американской психопатологической, декадентской и мистической литературы. К числу литературных лакеев гоминдановской реакции и поклонников пресловутой американской «цивилизации» относятся в первую очередь Чжан Дао-фань, признанный лидер «литературных кругов» в гоминдановском Китае, Гу Юй-сю, Ли Чан-чжи. Все они являются питомцами американских университетов и занимаются, преимущественно, переводами на китайский язык американской бульварной литературы. Однако эти «литературные коллаборационисты» составляют ничтожную часть китайской интеллигенции.

Для полноты картины следует добавить, что десятки мощных американских радиостанций, действующих в различных городах Китая под китайской вывеской, непрерывно заполняют эфир изготовленной в Америке пропагандой.

Голливудские фильмы занимают более 90 процентов всего кинопроката в Китае. Сотням тысяч китайских кинозрителей ежедневно преподносят доказательства «превосходства» американской долларовой цивилизации и «американского образа жизни», который, судя по фильмам, складывается, главным образом, из посещения роскошных ателье мод и ночных баров, грабежей и убийств.

Вот несколько примеров, позволяющих судить о «воспитательном» значении американской кинематографии.

В течение долгого времени на экранах китайских кинотеатров демонстрировалась картина «Песнь Бернадетты», пропагандирующая религиозно-мистическую веру в «чудо». И вдруг в Китае появилась... своя Бернадетта. Три месяца китайские газеты печатали сенсационные сообщения из провинции Сычуань, где была обнаружена китаянка Ян Мэй, которая якобы по несколько лет отлично обходится без пищи, питаясь, как говорится, «святым духом». Ян Мэй провозгласили «чудесным знамением наших дней». К Ян Мэй началось паломничество. Ее слава росла с каждым часом, пока, наконец, не лопнула, как мыльный пузырь: пресса вынуждена была признать, что «таинственная сычуанка» — всего лишь безвестная девушка, пытавшаяся обратить на себя внимание...

Большую популярность приобрели доведенные до абсурда уродливые формы американского рекордсменства. В последнее время страницы китайских газет запестрели рекламными заметками о различных «рекордах» — по поглощению спиртных напитков, непомерной еде и т. д. Недавно нанкинская газета «Синьминьбао» поместила статью об одном из таких «рекордсменов», способном поглотить 15 литров воды с живыми рыбками.

Прославление в литературе и кино уголовных преступников и шпионов, мистиков и мракобесов, настойчивые призывы подражать этому преступному, растленному миру приносят свои страшные плоды.

Об этом свидетельствуют уголовная хроника и судебные отчеты, регулярно публикуемые на страницах шанхайской, кантонской, тяньцзинской бульварной прессы. Целые полосы китайских газет и иллюстрированных журналов посвящаются обстоятельнейшим описаниям налетов на ювелирные магазины, меняльные конторы и банки, всевозможных убийств, похищений детей миллионеров с целью вымогательства.

С некоторых пор в газетах стали появляться сообщения о жестоких расправах китайской молодежи с родителями, об убийствах отцов и матерей. Весьма характерно, что почти во всех этих уголовных и судебных хрониках, взятых из китайской действительности, с удивительной последовательностью повторяются сюжеты многих американских кинобоевиков, показываемых на китайском экране.

Популяризация героев чудовищных преступлений, восхваление зоологических инстинктов и разврата нужны американским колонизаторам для того, чтобы отвлечь китайский народ от участия в политических событиях, от участия в той священной борьбе, которую ведет теперь китайская народная демократия против гоминдановских реакционеров и их покровителей.

Однако идеологическая экспансия американских культуртрегеров в Китае наталкивается на растущее с каждым часом антиамериканское движение китайского народа, с оружием в руках борющегося за свое национальное освобождение.

Неоднократные студенческие антиамериканские демонстрации в Шанхае, Нанкине, Чунцине, Кантоне, Ханькоу, Ханчжоу, Гуйяне, Кунмине и других городах встречали поддержку во всех прогрессивных кругах китайского общества. Эти антиамериканские демонстрации являются лучшим доказательством непримиримого отношения китайского народа к попыткам американских экспансионистов превратить Китай в свой колониальный придаток, духовно закабалить китайский народ.

Не случайно антиамериканские демонстрации в Китае получили название «Нового движения 4 мая» по имени известного патриотического движения, возникшего в тот период, когда японские захватчики, так же, как нынешние американские империалисты, своей колонизаторской экспансией вызвали всеобщий патриотический под'ем китайского народа и повсеместную борьбу за изгнание из Китая чужеземцев, посягающих на его суверенитет.

НАНКИН

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ

Гитлеровцы благодарны лейбористам

В 1945 году гитлеровские фельдмаршалы Браухич, Манштейн, Рундштедт и генерал Штраус сдались англичанам. Заклейменные неслыханными преступлениями перед человечеством, они подлежали быстрому и правому суду народов. Английские власти заключили их в гамбургскую тюрьму.

Прошло три года. Не дождавшись судебного разбирательства, мирно скончался фельдмаршал Браухич. Но Фемида, обретающаяся на Британских островах, медлит: до сих пор еще не известна дата суда над остальными бандитами. Известно только со слов командующего английскими войсками в Гамбурге, что против них пока еще даже не сформулировано обвинительное заключение.

Вполне понятно, что гитлеровцы весьма довольны своей судьбой и условиями, созданными для них англичанами. Недавно фашистские генералы официально выразили благодарность командующему английскими войсками в Гамбурге за заботу об их комфорте и за рыцарское обращение с ними.

Лавры гамбургского командующего всполошили английских парламентариев. 26 октября они устроили в палате общин своеобразную демонстрацию. По-очереди поднимались со своих мест лейбористы и их «противники» из оппозиции его величества и заявляли протест против... «бесчеловечного обращения с выдающимися немецкими офицерами, которые содержатся в жалких условиях».

— Это высшее проявление высокомерной власти победителя! — негодовал лейборист Пэйджет по поводу продолжающегося заключения генералов. — Это не только ошибочно с моральной точки зрения, но и политически неразумно...

Пэйджет не договорил до конца. Он только намекнул на то, что гитлеровские генералы могут еще пригодиться запевалам нынешней политики развязывания новой войны из англо-американского блока. Однако выступивший с ответом представитель правительства Великобритании не оставил никаких сомнений на сей счет.

Он сообщил, что «начало процесса откладывается в связи с невероятной сложностью дел (!) этих генералов», но эти гитлеровцы все же, как это ни печально, будут судимы. Суд над ними будет обязательно проведен, потому что, как заявил представитель английского правительства, оно «связано обязательствами о выдаче генералов некоторым другим правительствам в том случае, если Великобритания не проведет этого процесса».

А выдать их «некоторым другим правительствам» нынешние руководители Англии, безусловно, не желают, справедливо опасаясь гнева народов, на территории которых бесчинствовали эти бандиты в генеральских мундирах.

Лейбористские рыцари «правосудия» из палаты общин, прослушав столь «дельное» раз'яснение, успокоились, видимо, решив, что теперь и они заслужили благодарность гитлеровских мастеров военного разбоя.

На Райской улице в Кингстоне

В Кингстоне — главном городе острова Ямайка (британская колония в Карибском море) — есть Райская улица. Она знаменита находящейся здесь тюрьмой, переполненной заключенными, и не менее переполненной больными психиатрической лечебницей. Эти «райские об'екты» как бы символизируют те возможности, которые открыты английскими властями перед жителями острова. Правда, это несколько не вяжется с данными английских справочников, изображающих Ямайку в виде сущего рая, но зато вполне отвечает неприглядной действительности.

Посетивший недавно Ямайку корреспондент английской газеты «Рейнольдс ньюс» Том Драйберг упоминает в своем репортаже о письмах безработных, врученных ему на второй день пребывания на острове.

«Их рассказы поражали мрачным однообразием, — пишет Драйберг. — Безнадежное скитание с места на место в поисках работы, заложенный домашний скарб, голодные дети, крушение всех надежд на получение какой-либо денежной помощи, задолженность за квартиру, нависшая угроза быть выброшенным на улицу, растущее отчаяние. В Ямайке совершенно отсутствуют пособия по безработице, — система социального обеспечения там еще более несовершенна, чем в Англии. На небольшом острове — 75.000 безработных и почти половина из них — в Кингстоне. Из 10.000 бывших военнослужащих, сражавшихся во время второй мировой войны в рядах британской армии, только 3.000 получили временную работу или клочок земли».

Как они живут? Чем питаются? Отвечая на эти вопросы, Драйберг констатирует: «Недоедание на острове — явление обычное и хроническое. Нет ничего удивительного в том, что преступность на Ямайке все растет. Жизнь на Ямайке далека от райской».

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ЕЩЕ ХУЖЕ, ЧЕМ В ТЮРЬМЕ

Губернатор Танганьики — британской колонии в Африке — Дж. И. Лэмб всячески отстаивает существующую там систему телесных наказаний, утверждая, что это единственный способ «обуздать туземцев». Стремясь подкрепить свою точку зрения, Лэмб откровенно подчеркивает, что в условиях Танганьики тюремное заключение отнюдь не является наказанием, ибо жизненный уровень местных жителей так низок, что даже в тюрьме они оказываются в лучших условиях, чем на свободе.

НЕОТРАЗИМЫЙ АРГУМЕНТ

По сообщению газеты «Эстеррейхише Фольксштимме», на-днях в центре Вены американский солдат Уэсс ударом кулака сбил с ног встречного гражданина. Когда выяснилось, что избитый является американцем, Уэсс растерянно заметил:

«Извините, я думал, что вы австриец».

Коллектив редакции выражает благодарность артистам, принявшим участие в вечере, посвященном 31-й годовщине Октябрьской революции: А. Кузнецову, Л. Лядовой, С. Мартинсону, М. Мироновой, Н. Пантелеевой, Е. Петкер, Н. Поставничевой, И. Прохорову, В. Рыскову, Б. Тихонову, Н. Эфросу, П. Ярославцеву, композиторам В. Волкову и К. Молчанову.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АГАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 04201.